

Олег Волков

ДРУГАЯ ВОЙНА НА СВАЛКЕ

Свалка человеческих душ

Олег Волков

Другая война на Свалке

«Автор»

2016

Волков О.

Другая война на Свалке / О. Волков — «Автор», 2016 — (Свалка человеческих душ)

Новая война уже не вызывает в душе бывшего энтузиазма. Былой уверенности в победе уже нет. Дайзен 2 два раза, целых два раза доказал могущественной метрополии серьёзность собственного желания обрести независимость. И вот теперь предстоит держать ответ за собственную наглость. Или глупость. В третий раз над Дайзен 2 завис уже Флот специального назначения. Спесивая метрополия выучила горький урок. Теперь бунтовщиков ждёт другая, совсем другая война. Тетралогия «Свалка человеческих душ» 3. Иллюстрация создана в «Stable Diffusion».

Содержание

Глава 1. Бункер №0	5
Глава 2. Консилиум врачей	15
Глава 3. Топорное убийство	19
Глава 4. Предложение за гранью реальности	29
Глава 5. Путёвка в рай в раю	37
Глава 6. Домик мечты	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Олег Волков

Другая война на Свалке

Глава 1. Бункер №0

Бункер №0 – секретный бункер, о существовании которого известно любому жителю Мирема, начиная со школьников и заканчивая заслуженными пенсионерами. Другое дело, что весьма ограниченное количество людей из службы безопасности правительства знает, где именно он находится. И уж совсем единицам довелось заглянуть в него хотя бы разок.

Подземный комплекс под правительственным дворцом в Парме, столицы Федерации Мирема, поражает размерами. Широкие коридоры тянутся во все стороны на многие километры. На панели управления лифта отмечено целых пять уровней. И на каждом склады со стратегическим запасом продовольствия и воды, ремонтные цеха и космические системы жизнеобеспечения. Целых четыре генератора энергии снабжают подземный комплекс электричеством, хотя для комфортной работы вполне хватило бы и одного.

И всё это великолепие инженерной мысли укрыто на глубине несколько сотен метров. На правительственный дворец должна упасть ну очень серьёзная ядерная бомба, чтобы в подземном комплексе хотя бы разок мигнули лампочки. Впрочем, Пимену Вирпену, 58 лет отроду, в недалёком прошлом контр-адмирал ВКС, нет никакого дела до размаха и серьёзности подземного комплекса.

Вирпен неторопливо шагает по широкому коридору «Б8» подземного комплекса. С виду он сама невозмутимость и солидность, на самом деле ноги предательски дрожат, а щёки то и дело охватывает жар. Украдкой, словно вор в магазине, Вирпен вытирает мокрые от пота кончики пальцев о подол пиджака. От того, что вот-вот предстоит сделать, решить, убедить президента, щемит в груди, а сердце колотится с утроенной силой.

История! Самая настоящая история, которая сначала появится на страницах и экранах планетарных СМИ, а потом переключает в учебники для старшеклассников. Вот она. Рядом! Кажется, протяни руку и можно будет схватить её за заголовок.

Как на грех новенький сшитый на заказ пиджак трёт шею. Вирпен в очередной раз торопливо одёрнул воротник. Или только кажется, что трёт? Большую часть жизни ему довелось проходить в кителе офицера ВКС Федерации. Ну, разве что, звёзды на его погонах становились всё жирнее и жирнее. Штатский деловой костюм шит утусом Сергуном, лучшим портным Пасмы, у которого сам президент одевается. Пришлось пару раз специально выкроить время на примерку и подгонку точно по фигуре. Куда уж лучше? Профи шил. И всё равно кажется, будто пиджак висит на плечах картофельным мешком, в груди жмёт, а длинные штанины брюк метут пол. Светло-серый китель контр-адмирала ВКС куда как удобней, практичней и никогда не выходит из моды. В нём можно даже в скафандр залезть. Но, Вирпен тихо перевёл дух, традиция. Чтёб её. Министр обороны обязан быть штатским человеком и носить штатское.

Очередной перекрёсток. Над левым коридором висит указатель с лаконичной надписью: «Бункер №0». Ага, Вирпен нервно поправил левый рукав, значит сюда. На нём лежит колоссальная ответственность за оборону большого межзвёздного государства. Его приказам подчиняются десятки тысяч людей, десятки боевых кораблей, десятки военных баз как в самой звёздной системе Геполы, так и за её пределами. Однако, Вирпен бросил взгляд вдаль по коридору, подземный комплекс под правительственным дворцом не его епархия. Чуть ли не на каждом перекрёстке посты охраны. Мордастые агенты в штатском с каменными лицами то и дело требуют пропуск и вежливо просят подставить глаза и ладони для сканирования сетчатки глаз,

отпечатков пальцев и анализа ДНК. Культ безопасности на грани паранойи. Впрочем, Вирпен невольно улыбнулся, параноики живут нервно, но долго.

Ну вот, накаркал. Возле очередной неприметной двери пост охраны.

– Ваше удостоверение, витус, – рослый охранник с профилем упитанной гориллы из столичного зоопарка протянул руку. Вирпен молча опустил в широкую ладонь удостоверение, прямоугольный кусок пластика с именем и фотографией. Кажется? Или охранник перед Бункером №0 и в самом деле самый рослый и накаченный?

– Пожалуйста, – охранник вернул удостоверение, – положите ваши ладони сюда и гляньте сюда.

Гориллоподобный охранник вежлив до тошноты. Однако не стоит полагаться на его мнимую доброту. Левый бок тёмно-синего костюма подозрительно оттопырен, и вряд ли у него там связка бананов. Наконец бронированная дверь тихо отошла в сторону. За коротким коридором проглядывает просторная комната, которая и есть легендарный Бункер №0.

Вирпен на мгновение остановился на пороге, человеческое любопытство пересилило гордость. Больше всего Бункер №0 похож на часовню или маленький храм. По середине круглый стол на семь мест. С высокого куполообразного потолка свисают широкие экраны. Вдоль стен дополнительные столики для помощников и секретарей.

Бункер №0 как таковым бункером, бетонированным подземным убежищем, не является. Все эти меры безопасности, четвёртый подземный уровень, бронированная дверь и гориллоподобный охранник у входа, предназначены для секретности. Ни одно слово сказанное в Бункере №0 никогда и ни при каких обстоятельствах не должно просочиться в СМИ.

– Добрый день, уважаемый.

На втором слева кресле приветливо улыбается витус Орн Ибуж. Министр внутренних дел явился на секретное совещание самым первым.

– Добрый день, уважаемый, – Вирпен склонил голову.

Чёрный мундир главного полицейского Федерации сияет наведённым лоском. Золотые пуговицы надраены до блеска, многочисленные орденские планки в идеальном геометрическом порядке громоздятся на левой стороне груди. Витус Ибуж охоч до наград. Большая часть его орденов и медалей из разряда «за успехи на кухне», однако это обстоятельство ни чуть не смущает министра внутренних дел. Только, Вирпен улыбнулся, в отличие от своего идеального мундира витус Ибуж выглядит помятым и страшно взволнованным. Коротко стриженные волосы блестят от пота, глубоко посаженные глаза на широком лице бегают из стороны в сторону. О чём так переживает витус Ибуж догадаться несложно.

До начала собрания осталась пара мину, Вирпен неторопливо обогнул стол, четвёртое на право от входа кресло отныне его, по традиции, так сказать. В Бункере №0 вполне комфортная температура, можно даже сказать стандартная. Однако ладони всё равно вспотели. Белым платочком Вирпен энергично вытер пальцы. Во истину, ожидание казни в сто крат страшнее самой казни. Хотя, Вирпен запихнул наспех сложенный платок обратно в нагрудный карман, рубить ему голову вроде как никто не собирается. Да и не за что.

Постепенно подтянулись прочие министры. Вирпен вежливо поздоровался с коллегами. Смешно даже: каждый вновь прибывший высокопоставленный чиновник поглядывает на него или с плохо прикрытым злорадством, или с откровенным сочувствием. Впрочем, ожидать иного было бы глупо.

Четыре стандартных года тому назад взбунтовался Дайзен 2, маленькая колония в звёздной системе Дайзен. Та самая, которую жители метрополии гораздо чаще и охотней называют Свалкой.

Дайзен 2 очень негостеприимная планета. В атмосфере почти начисто отсутствует кислород, зато полно углекислого газа. По этой причине небо на Свалке неприятного ядовито-зелёного цвета. Климат дурнее некуда: днём слишком жарко, а ночью слишком холодно. За мил-

лионы лет дожди и ветры источили многочисленные метеоритные кратеры на поверхности планеты. Свалка представляет из себя одну сплошную каменистую пустыню тёмно-красных оттенков.

Как ни удивительно, на Дайзен 2 найдена жизнь. Пусть примитивная, пришибленная дурным климатом и экстремальным перепадом температур, но, всё же, есть. В пещерах с термальными источниками можно найти колонии бурых водорослей, среди которых копошатся маленькие чёрные жучки. И те и другие являются самыми крупными формами жизни на планете.

В своё время Дайзен 2 оказалась самой первой относительно пригодной для жизни планетой за пределами звёздной системы Геполы. Больше трёх сотен лет назад на ней была основана самая первая колония за пределами родной системы человечества. В негостеприимную каменистую пустыню потянулись учёные, переселенцы и прочие романтики. Однако золотой век Дайзен 2 оказался слишком коротким.

Спустя ещё двадцать пять лет была открыта Акатуна, самая первая планета за пределами системы Геполы так похожая на Мирем, колыбель человечества. Поток учёных, переселенцев и прочих романтиков тут же переключился на неё. Дайзен 2 остался не у дел. Его ждала незавидная судьба вплоть до закрытия, однако федеральное правительство решило построить на нём тюрьму. Так Дайзен 2 стал местом для ссылки заключённых с благодатной метрополией. Как метко выразился витус Пилаг, первый губернатор колонии, Дайзен 2 превратился в свалку человеческих душ. Сам того не желая, он дал планете второе гораздо более известное имя Свалка.

Три сотни лет метрополия благополучно сливала на Свалку отбросы общества. Возможно сливала бы ещё три тысячи лет, если бы Дайзен 2 не взбунтовался. В это трудно поверить, однако маленькая колония с населением около двух миллионов человек сумела дать отпор не только Первому крейсерскому флоту, но и самой большой «дубинке» Федерации Мирема Первому ударному флоту. Целая космодесантная дивизия, при поддержке линкора, двух фрегатов, носителя тактипов и авианосца, так и не смогла усмирить аборигенов. Вот почему, когда два с половиной месяца назад Первый ударный флот вернулся домой словно побитая собака, кресло министра обороны вдруг стало очень горячим.

Первым по состоянию здоровья убежал в отставку витус Игеж Ропин, предыдущий министр обороны. В негласной очереди претендентов на министерский портфель сам Вирпен стоял где-то седьмым по счёту. Однако претенденты один, два, три, четыре и шесть так же отыскивали в собственных больничных картах тяжкие недуги и предпочли уйти в отставку лишь бы только не брать на собственную печень ответственность за подавление бунта на Свалке. Претендента номер пять президент Федерации личным указом отправил в отставку. Витус Шангур, бывший начальник Генерального штаба, слишком горяч и напорист. Солдафон до корней волос, такой запросто закидает Свалку ядерными бомбами.

Вот такими нелёгкими судьбами и закулисными играми в поддавки Вирпен занял кресло министра обороны Федерации Мирема в Бункере №0. А всё потому, что он оказался первым в негласной очереди претендентов, кто не побоялся сеть «голой задницей на жерло огнедышащего вулкана». Вот почему министры Федерации смотрят на него то с плохо прикрытым злорадством, то с откровенным сочувствием. Самоубийца на опоре моста вызывает примерно такие же чувства у зрителей на безопасном берегу.

Однако, Вирпен вновь вытащил из внутреннего кармана белый платок, он не дурак и под собственной задницей видит не только «огнедышащее жерло». «Вулкан» не обязательно означает политическую смерть. При очень умелом обращении он может поддать ускорение для решительного рывка в карьере. Вирпен покосился на центральное самое большое место за круглым столом. На секретное совещание правительства он явился отнюдь не с пустыми руками.

Как и полагается последним в Бункер №0 вошёл президент Федерации. Для своих семидесяти трёх лет витус Букнир выглядит потрясающе: высокий красавец с мужественным лицом и выразительными глазами. Из-под строгого делового пиджака чуть заметно выпирает накаченная грудь и почти не проглядывает пивной животик. Поражение Первого ударного добавило в шевелюру президента несколько прядок седых волос. Да и под глазами выступили едва заметные чёрные круги. За спиной витуса Букнира маячат два ближайших советника, витус Дартин и витус Горин.

– Добрый день, уважаемые, – витус Букнир мягко опустился в чёрное кресло. – Собрание, посвящённое разбору причин поражения Первого ударного флота, разрешите считать открытым.

Глаза министров словно по команде переместились на Вирпена, словно он и только он лично несёт ответственность за позорное поражение красоты и гордости Федерации. Проклятье, Вирпен невольно прокашлялся, щёки предательски запылали. Невольно чувствуешь себя подсудимым на суде. Причём председатель присяжных ещё не огласил окончательный вердикт, однако в его бумажке уже написано «Виновен».

– Здесь и сейчас мы должны выработать принципиально новую политику по отношению к Дайзен 2. Специально и особо подчёркиваю: – витус Букнир обвёл притихших министров тяжёлым взглядом, – мы не можем, не имеем права, как признать независимость Дайзен 2, так и сделать вид, будто ничего не произошло. То есть, оставить его в покое. Последняя попытка подавить вооружённый бунт должна и обязана увенчаться успехом. Свалка либо вновь станет частью Федерации Мирема, либо превратится в радиоактивную свалку. Третьего варианта не будет.

Откровенность – главное достоинство Бункера №0. Колоссальные меры безопасности, мордастые охранники на каждом перекрёстке, бетонный свод и несколько сотен метров земли над головой позволяют правителям Федерации Мирема высказываться откровенно, называть вещи своими именами. Одна лишь фраза «радиоактивная Свалка» на публике стоила бы витусу Букниру с десятков процентов рейтинга среди простых избирателей.

В Бункере №0 правительство собирается для секретных совещаний тогда и только тогда, когда словоблудие, которым так славятся политики, может обойтись слишком дорого. Столь убийственными для политической карьеры словами президент коротко, ясно и однозначно обрисовал суть проблемы. Того же он ждёт и требует от министров.

– Вступительное слово, – продолжил витус Букнир, – предоставляется витусу Пимену Вирпену, нашему НОВОМУ министру обороны.

Президент особо выделил слово «новому». Таким нехитрым способом витус Букнир намекает на оказанное доверие и ожидает конкретных предложений. Ну что же, кончиками пальцев Вирпен быстро пробежался по электронному рабочему столу перед собой, президент получит конкретные предложения. На электронной столешнице развернулся список главных тезисов и цифр. Не заранее отрепетированная речь, но хорошая шпаргалка.

– Добрый день, уважаемые, – Вирпен приветливо улыбнулся. – В первую очередь и самым решительным образом, – Вирпен тут же придал лицу самое серьёзное выражение, – я отвергаю обвинения и намёки как в некомпетентности космических пехотинцев, так и в их храбрости и моральной стойкости.

Не их вина, что бунт на Свалке не удалось подавить. Космических пехотинцев в первую очередь учат убивать врага, уничтожать его всеми доступными средствами в максимально короткий срок. А вот чему их точно никогда не учили, так это умирять бунтовщиков, своих же сограждан, людей, которых они должны защищать.

В качестве наиболее яркого примера и доказательства моих слов прошу ознакомиться с рапортом сержанта Руднева из Первого полка.

Пара кликов по столешнице. На рабочих столах министров и президента развернулся рапорт космического пехотинца.

– Во время подавления бунта сержант Руднев был назначен комендантом поселения Йосшан в кратере Финдос. Да, – Вирпен кивнул, – ему не удалось справиться с подпольем в вверенном ему поселении и наладить работу рудника. О чём, между прочим, сержант Руднев честно и обстоятельно доложил в своём рапорте на имя вышестоящего командования.

В конце рапорта сержант Руднев изложил просьбу. Ни много ни мало, вы только вдумайтесь, – Вирпен поднял указательный палец, – перевести его в **ДЕЙСТВУЮЩУЮ** армию.

Члены правительства склонились над электронными столами. Витус Эрган, министр финансов, злорадно усмехнулся. Витус Ибуж, главный полицейский Федерации, помрачнел ещё больше.

– Главный вывод напрашивается сам собой: – Вирпен ткнул ногтем в верхний правый угол документа, рапорт космического пехотинца тут же свернулся, – армия не предназначена для усмирения бунта гражданского населения. Это дело полиции.

– Позвольте! – витус Ибуж, главный полицейский, подскочил как ужаленный. – Министрство внутренних дел не может взять на себя столь сложную и ответственную задачу по подавлению бунта в колонии Дайзен 2. У полицейских Мирема нет необходимого опыта. Да и откуда ему взяться? – витус Ибуж едва не взвыл. – В метрополии крайне, крайне низкий уровень преступности. Один лишь только слух об отправке на Свалку немедленно спровоцирует массовый отток кадров из структур МВД. Уличные полицейские не захотят покидать Мирем ни за какое вознаграждение, да ещё на верную смерть.

Главный полицейский Федерации раскипятился так, будто его самого в звании рядового уже отправили на Свалку. Чего и следовало ожидать. Вирпен плотнее сжал губы, злорадный смех едва, едва успел застрять в горле. Министр внутренних дел пуше огня, цунами и урезания бюджета боится, что именно его министерству перепоручат подавление бунта на Свалке. К гадалке не ходи: витус Ибуж наверняка уже припрятал неизлечимую болезнь и в любой момент готов убежать в отставку. Только надежда отбиться от столь ответственного поручения всё ещё удерживает его в кресле министра внутренних дел.

– Уважаемый, – Вирпен упёрся взглядом главному полицейскому прямо в глаза, – у вас ещё только намечаются проблемы с кадрами, а во флоте, и, особенно, в армии, **УЖЕ** большой недобор личного состава.

Витус Букнир сдвинул брови. Недовольство президента не прошло мимо министров.

– На данный момент, – Вирпен глянул на документ с цифрами, – треть космических пехотинцев подала рапорты о досрочном расторжении контракта и об уходе в отставку. Солдат и офицеров не пугают и не останавливают неизбежные потери в льготах и выплатах. Две трети из подавших рапорты непосредственно участвовали в боевых действиях на Дайзен 2. Однако, – Вирпен поднял голову, – самый яркий показатель проблем с личным составом – резкое падение количества претендентов на звание космического пехотинца. Так в прошлом учебном году конкурс в Адаунское пехотное училище составил 358 человек на место. В этом он упал до 79 человек на место.

– Неужели молодые люди больше не горят желанием стать доблестными защитниками человечества? – в голосе витуса Букнира сквозит удивление и разочарование.

– Вы только что, – Вирпен повернулся к президенту, – озвучили главную причину падения конкурса: молодые люди по-прежнему горят желанием стать доблестными защитниками человечества. Но именно защитниками, а не карателями и тюремщиками этого самого человечества.

По ряду министров прокатился недовольный гул.

– Да, да, уважаемые, – Вирпен повысил голос. – Проблема именно в этом. Нам нужно срочно пересматривать идеологическую основу армии, флота и вооружённых сил в целом.

Свалка стала первой, но далеко не последней бунтующей колонией. В будущем нам придётся сталкиваться с вооружённым недовольством жителей окраинных миров всё чаще и чаще. Вот ещё несколько цифр.

Указательным пальцем Вирпен прокрутил вниз документ с цифрами.

– В прошлом учебном году конкурс в Лирдское военно-космическое училище был вполне сопоставим с конкурсом в Адаунское пехотное училище космического десанта: 349 человек на место. Но! Едва Первый ударный флот вернулся на базу, как конкурс тут же подскочил. Теперь на одно место претендует сразу 685 человек.

Военные корабли Первого ударного непосредственно в подавлении бунта на Дайзен 2 не участвовали. Иначе говоря, будущий офицер космического флота по-прежнему будет доблестным защитником человечества. Ни одна даже самая жёлтая газетёнка так и не повесит на мундир офицера ВКС ярлык «каратель». Как не сложно догадаться, большая часть молодых людей, которые разочаровались в космической пехоте, подали заявления в Лирдское военно-космическое училище.

Гипотетический приказ в некоем отдалённом будущем стрелять в своих же сограждан, в таких же людей, отпугнул молодёжь от Адаунского пехотного училища космического десанта. Иного результата быть не могло. Ныне существующая идеология вооружённых сил Федерации основана на противостоянии с мифическими инопланетянами, которых на просторах космоса ещё нужно найти.

В Бункере №0 повисла неловкая тишина. Министры попеременно поглядывают друг на друга, как стайка школьников, которые заигрались в футбол и забыли о начале урока. Вирпен кликом закрыл шпаргалку с тезисами и цифрами.

Возражений, комментариев и вопросов не последовало. Да и как может быть иначе? Космические пехотинцы не виноваты в том, что покинули свалку человеческих душ. По сути признали поражение перед кучкой вчерашних фермеров, рудокопов и заключённых.

– Да, вы правы, – президент первым нарушил тягостное молчание. – Пересмотр идеологической основы вооружённых сил Федерации несомненно важное дело, однако это отдельный вопрос. Здесь и сейчас нам нужно выработать политику подавления бунта на Свалке теми средствами, что имеются в нашем распоряжении. И так, – витус Букнир обвёл нахмуренным взглядом министров, – какие будут предложения?

Витус Букнир мастер играть интонациями и словами: вежливый вопрос прозвучал как приказ.

– Может... Это... – главный полицейский стыдливо отвёл глаза. – Того... Попробовать мирно договориться.

Вирпен тихо прочистил горло. Едкий смешок едва, едва не сорвался с губ. Министр внутренних дел жалок. Витус Ибуж балансирует на грани. За подобный неуверенный и глупый лепет даже при бычьем здоровье можно улететь в отставку. Только министр прекрасно понимает и другое: попытка подавить бунт на Свалке силами МВД лично для него обойдётся ещё дороже.

– Нет! – президент стукнул кулаком по столу. – Мирное решение вопроса не приемлемо для нас всех лично. Иначе не только вам, витус Ибуж, но и всему правительству придётся подать в отставку. Да и мне... тоже, – гораздо более спокойно добавил витус Букнир.

Только новое правительство во главе с новым президентом получит моральное право договориться с аборигенами Дайзен 2 полюбовно. Как не сложно догадаться, все неудачи и провалы будут списаны на нас. А я не хочу войти в историю как президент, который проиграл войну горстке упрямых аборигенов.

Да-а-а... Вирпен закатил глаза. Теперь понятно, почему Бункер №0 является самой известной тайной Федерации. Если бы президент выступал публично, ну или хотя бы в официальной комнате для совещаний на поверхности в правительственном дворце, то он, несо-

мненно, привёл бы совершенно другие и гораздо более многословные доводы в пользу продолжения войны на Свалке. А так нелিপчатая самая что ни на есть голая правда пресекла возможные дискуссии и непонимания на корню. Командир сказал хорёк, и никаких сусликов.

– И так, – взгляд президента паровым катком вновь заскользил по лицам министров, – повторяю ещё раз: какие будут предложения?

Вот он – звёздный час! Вирпен напрягся всем телом, дыхание стало глубоким, а щёки вновь начали источать жар. Министры косятся на него, словно нетерпеливые прохожие на светофор. По негласному сценарию именно ему, министру обороны, предстоит жалобно заблестеть и публично расписаться в собственном бессилии. В идеале тут же упасть перед президентом на колени и подать в отставку по состоянию здоровья. Только этого не будет.

– Витус Букнир. Кх-х-хммм...

Вирпен с трудом прокашлялся. Какая досада: в самый ответственный момент едва не поперхнулся.

– Витус Букнир, разрешите? – Вирпен, словно школьник на уроке, поднял руку.

Тяжёлый взгляд президента словно пушечный ствол танка упёрся прямо в переносицу. Однако Вирпен не стал отворачивать лицо и прятать глаза.

– Слушаем вас, – тихо произнёс президент.

– Витус Букнир, вы в курсе, что в недрах Министерства обороны существует партия реалистов? – спросил Вирпен.

– Что? – президент нахмурился. – Какая ещё партия?

– Нет, нет, – Вирпен поспешно развёл руки в стороны, – не политическая.

Ну почему так всегда? Долго и упорно готовился именно к этому выступлению. Заранее написал речь и выучил её от первого слова до последнего. И, как обычно, начал с импровизации.

– Когда Первый ударный флот под звон фанфар оправился давить бунт на Дайзен 2, – Вирпен машинально поправил ворот рубашки, – в Министерстве обороны воцарилась радостная, я бы даже сказал самоуверенная, атмосфера. Тогда, два года назад, на Аркаиновском проспекте никто не сомневался в скорой победе. Однако в министерстве и Генеральном штабе не все офицеры разделяли столь безудержный оптимизм.

На Аркаиновском проспекте нашлись и те, кто предвидел провал Первого ударного флота, не смотря на забитый под завязку арсенал линкора и фрегатов. Лично я ни на секунду не сомневался, что жители Дайзен 2 сразу же перейдут к партизанским методам ведения войны.

– И вы, как самый высокопоставленный офицер, как седьмой в очереди на кресло министра обороны, возглавили партию реалистов.

В глазах президента читается неподдельный интерес. Приятно, чёрт возьми, узнать о заговоре среди военных, который направлен не против тебя, а, наоборот, в твою поддержку.

– Да, витус, – Вирпен кивнул. – Реалистов в министерстве и Генеральном штабе набралось слишком, слишком мало, чтобы мы могли оказать хоть какое-то влияние на политику министерства. Витус Ропин, прежний министр обороны, отмахнулся от моего доклада как от надоедливой мухи. Зато мы стали готовиться к бесславному возвращению Первого ударного с разбитой в кровь мордой и гробами космических пехотинцев. Иначе говоря, разрабатывать план полноценной антипартизанской войны в новых условиях. Благо времени у нас было более чем достаточно.

Признание разрядило обстановку в бункере для секретных совещаний. Неуверенность и страх министров сменились на заинтересованность. Вирпен самодовольно улыбнулся. Приободрился даже витус Ибуж. Министр внутренних дел уверовал в спасение собственной задницы, как тяжких грешник при виде спасителя.

– Если я правильно вас понял, – витус Букнир чуть подался вперёд, – вы, ни много, ни мало, сделали ставку на поражение Первого ударного флота.

– Да, витус, – легко согласился Вирпен. – Когда началась чехарда с постом министра обороны, когда среди претендентов вспыхнула «эпидемия», я просто сидел и ждал, пока вы, витус, предложите мне подать в отставку и занять это самое кресло, – Вирпен хлопнул ладонью по мягкому подлокотнику. – А всё потому, уважаемые, что у меня есть полностью готовый и реальный план подавления бунта на Дайзен 2.

Если бы президент вытащил бы из кармана новогоднюю петарду и поджёг её, то оглушительный взрыв не произвёл бы на министров и половины того впечатления, которого добился Вирпен своим заявлением. Особенно витус Ибуж, который не только окончательно пришёл в себя, а даже повеселел. Главный полицейский смотрит словно преданный пёс на хозяина. Ещё бы! После такого заявления МВД точно не грозит тяжкая ноша в виде бешенных аборигенов с пороховыми архаизмами на Свалке.

– Если коротко, – Вирпен щелчком по электронной столешнице вывел на столы перед министрами и президентом цветную схему, – суть плана в полноценной антипартизанской войне. Для этого нужно:

Во-первых, сформировать Флот особого назначения. Главной ударной силой будет старый фрегат «Цван». Откровенно говоря, он нужен для моральной поддержки десанта и устрашения аборигенов. Главное включить в состав флота как можно больше транспортников.

Во-вторых, Космическая десантная дивизия останется главной ударной силой. Ей же предстоит вынести основную тяжесть активной войны с партизанами. Для этого её нужно будет переоснастить с учётом новых требований и вызовов. Пусть с трудом, но дивизию вполне реально укомплектовать до штанной численности. Гораздо сложнее будет создать стратегический резерв личного состава.

Третье самое главное.

На миг Вирпен умолк. Боже! Как приятен звёздный час. Самые могущественные и влиятельные люди Федерации Мирема не просто внимательно слушают тебя, а буквально ловят каждое слов. Жалко только, Вирпен потянулся к бутылочке с водой, как и всякая слава, звёздный час скоротечен.

– Нужно будет сформировать Первую охранную дивизию под эгидой МВД, – Вирпен отодвинул пустую бутылочку обратно на край стола. – То есть полицейских, которые возьмут на себя контроль над поселениями аборигенов и подавление подполья. Причём именно дивизия с тяжёлым вооружением по армейскому образцу.

– Не получится! – витус Ибуж аж вскочил на ноги.

Едва прозвучало слово «полицейских», как руководитель МВД опять жутко перепугался.

– Не получится, – витус Ибуж плюхнулся обратно в кресло. – Я предупреждал: один лишь слух о формировании такой дивизии вызовет массовый отток кадров из органов правопорядка. Как вы очень точно заметили, витус Вирпен, получить клеймо «каратель» никому не хочется.

Дрожит, дрожит, очень дрожит витус Ибуж за свой портфель. Очень, очень ему не хочется убегать в отставку по состоянию здоровья.

– Уважаемый, – медленно протянул Вирпен, – если бы вы дослушали меня до конца, то у вас не было бы причин для беспокойства.

Да, полностью согласен с вами: – Вирпен машинально кивнул, – не стоит и мечтать сформировать Первую охранную дивизию из уличных полицейских старичка Мирема. Да и не нужно. В нашем распоряжении почти миллиард жителей других миров. Именно из них мы предлагаем сформировать дивизию карателей.

Главный полицейский Федерации опять радостно улыбается. Его дорогим подчинённым не придётся помирать за колониальные амбиции властей на далёкой Свалке, а ему самому совершенно незачем вспоминать о «тяжёлой» болезни.

– Первая охранная дивизия не нарушит монополию Мирема на вооружённые силы, – Вирпен перевёл взгляд на президента. – В её распоряжении не будет никаких средств доставки

и тем более десантирования на другие планеты. Никакой тяжёлой техники в виде танков, САУ, зенитных комплексов.

Оснащение охранной дивизии будет дешевле и проще в изготовлении. Карателей совершенно незачем одевать в полноценные бронескафандры, с них вполне хватит боргов, защитных костюмов по аналогии с теми, что делают на Свалке.

– Скажите, – витус Рант, министр колоний, вытянул правую руку, – а из кого именно вы планируете комплектовать личный состав Первой охранной дивизии?

– В принципе, на роль карателей сгодятся все жители внешних колоний, кроме самого Дайзен 2, разумеется. По нашим данным, наиболее ценные кадры для подавления подполья можно найти в Яме. В основном мы планируем укомплектовать дивизию жителями Акатуны. Там же охранная дивизия будет находиться на постоянной основе, если вдруг ещё какая-нибудь колония возомнит себя независимой.

– Почему именно Акатуна? – министр колоний недовольно надул губки. – Почему не Яма или Вакоя?

Для витуса Ранта предложение сформировать охранную дивизию на Акатуне словно рыбная кость поперёк горла, ибо оно подрезает его полномочия как безраздельного хозяина внешних миров. По факту МВД Мирема получит контроль над полицией Акатуны.

– На то множество причин. Во-первых, – Вирпен загнул указательный палец, – Акатуна единственная планета схожая по климатическим условиям с Миремом. Во-вторых, менталитет жителей Акатуны наиболее близок к менталитету жителей метрополии. Выходцы с Тиланы 3 не поймут жителей Дайзен 2 и не перейдут на их сторону. Для них Свалка останется свалкой человеческих душ. И в-третьих, только на Акатуне найдётся достаточное количество годных для службы в охранной дивизии.

Витус Рант недовольно засопел. Впрочем, горькую пилюлю можно слегка подсластить.

– Всё не так плохо, витус Рант, – Вирпен дружелюбно улыбнулся. – Это для службы в космической пехоте от претендентов требуют высоких моральных качеств и кристально-белую биографию. С подбором личного состава для охранной дивизии можно и даже нужно поступить с точностью наоборот.

– Э-э-..., простите? – лицо витуса Букнира вытянулось от удивления.

Вирпен вежливо кашлянул в кулак. Лёгкая растерянность президента Федерации, да и прочих министров, не повод для веселья.

– Конечно, конечно, давать в руки откровенных бандитов и отморожков со справками электромагнитное оружие не стоит, – торопливо произнёс Вирпен. – А вот люди с подмоченной репутацией подойдут идеально. Мы предлагаем комплектовать охранную дивизию из мелких уголовников, неисправимых хулиганов и прочих, кто не желает мирно трудиться и платить налоги. Иначе говоря из тех, кто очень любит проявлять собственную власть над другими людьми, дабы казаться самим себе крутым челом с крутой пушкой. Как не сложно догадаться, витус Рант, – Вирпен улыбнулся министру колоний, – криминогенная обстановка на Акатуне резко улучшится.

– Но тогда всю эту шумную компанию жители Дайзен 2 будут, мягко говоря, ненавидеть, – заметил президент.

– В это вся соль, витус, – Вирпен поднял указательный палец. – Аборигены Свалки будут бояться и ненавидеть карателей из Первой охранной дивизии. Придумают им какую-нибудь уничтожительную кличку типа, – Вирпен на секунду призадумался, – дебилы, стервятники, шакалы. Как вы понимаете, «любовь» будет взаимной. В такой обстановке выходцы с Акатуны вряд ли заразятся бредовыми идеями о независимости. Да и горький урок Дайзен 2 будет для них очень наглядным и убедительным. Если с благородными космическими пехотинцами воевать даже приятно, то сталкиваться с отморожками из охранной дивизии никому не захочется.

– А как же неизбежные проблемы с дисциплиной? – встрял витус Ибуж. – При всех плюсах личностей с низким моральным обликом удержать эту шумную компанию в узде будет проблематично.

Вирпен про себя усмехнулся. Кому как не главному полицейскому Федерации думать о правопорядке и дисциплине.

– Проблематично в условиях мирного времени, тут я с вами полностью согласен, – Вирпен слегка поклонился в сторону министра внутренних дел. – Однако в условиях военного времени нравы, знаете ли, гораздо более простые. Парочка публичных расстрелов остудят даже самые горячие головы. К тому же карателям придётся постоянно быть начеку. Даже самые отмороженные из них поостерегутся ввалиться в какой-нибудь бар и надраться вдрызг. Жители Дайзен 2 не упустят возможность вонзить им нож в спину.

Да, самое главное: – Вирпен хитро прищурился, – кого на Миреме будут волновать потери в личном составе Первой охранной дивизии? Убьют на Свалке сотню – привезём с Акаатуны ещё тысячу.

Витус Ибуж отвёл глаза, новых вопросов со стороны главного полицейского не последовало. Тем лучше.

– Более подробный и обстоятельный план здесь, – Вирпен пару раз ткнул пальцем в электронную столешницу, файл с планом плавно переехал на общий рабочий стол. – У меня всё.

Министры и президент принялись сосредоточенно листать страницы электронного документа. Кто-то просматривает его с интересом, кто-то с недоумением. На лице витуса Ранта застыла гримаса глухого недовольства. Что поделаешь – время, когда министерство колоний владело внешними мирами как рабами на плантации, уходит. Зато витус Ибуж аж светится от радости. Предлагаемый план обещает главному полицейскому новые вливания в бюджет и, одновременно, не взваливает на его голову подавление бунта на Свалке.

– Хорошо. Очень хорошо, витус Вирпен, – президент оторвал глаза от электронного стола. – Признаться, не ожидал. Порадовали. Приятно порадовали.

Объявляю перерыв на пять часов, – витус Букнир выпрямился в кресле. – Всем внимательно ознакомиться с предлагаемым планом и подготовить предложения с уточнениями согласно профилю своих министерств. Вопросы будут?

Министры Федерации Мирема молча переглянулись.

– Отлично, – витус Букнир поднялся с кресла. – Все свободны.

Согласно этикету президент Федерации первым покинул секретный бункер. Министры шумной толпой потянулись следом.

– Поздравляю вас, коллега.

Вирпен оглянулся. Рядом с креслом остановился витус Ибуж с протянутой рукой.

– Благодарю вас, – Вирпен осторожно пожал влажную ладошку главного полицейского. – Только не рано ли? План ещё не принят и даже не рассмотрен.

– Да бросьте, – отмахнулся витус Ибуж. – Либо сегодня, либо через неделю ваш план будет принят. Альтернативы ни у кого нет. Увидимся через пять часов.

Вирпен самым последним вышел из Бункера №0. Гориллоподобный охранник в штатском тут же задвинул на место тяжёлую дверь.

А, ведь, главный полицейский прав, Вирпен прямо на ходу повёл затёкшими плечами. Посредственный план прямо сейчас гораздо лучше идеального через неделю. Конечно, с уточнениями и поправками, с разговорами и торговлей за бюджетные субсидии, но будет принят. А, значит, Вирпен украдкой бросил взгляд на невзрачную дверь Бункера №0, у него отличные шансы усидеть в кресле министра обороны и... даже подняться чуток повыше. Как знать: может на следующих президентских выборах жители метрополии с удовольствием и большим воодушевлением проголосуют за того, кто, наконец, умирил бунтующую Салку. Победителей любят и ценят во все времена.

Глава 2. Консилиум врачей

Вот уж никогда не думал как и, главное, при каких обстоятельствах доведётся вернуться в родной альма-матер. Было бы здорово появиться на улицах Адауна, где находится пехотное училище космического десанта, при полном параде с новыми лычками сержанта на погонах и с медалью на груди. Биал Ришат печально вздохнул, как ни как, а он самый настоящий герой войны на Дайзен 2, ветеран с реальным боевым опытом, единственный из всего 21-го взвода, которому удалось выбраться из подземелий Свалки. Правда, сержанта пока не дали. А так, Биал недовольно поморщился, его привезли в закрытой грузовой машине поздно вечером словно обычный груз прямо в анабиозной капсуле словно психа какого-то. Для полного счастья не хватает смиренной рубашки с очень длинными рукавами и комнаты с очень мягкими стенами.

Медицинское кресло для осмотров в Адаунском военном госпитале один в один похоже на то, в котором ему пришлось предстать перед полковыми медиками на Свалке. Такое же мягкое и удобное, покрытое скользким пластиком и белое, белое, словно свежий снег на горном склоне. Точно такая же прозрачная перегородка разделяет смотровую комнату на две части. И точно также три военных медика в белых, белых халатах точно так же тревожно шепчутся за прозрачным пластиком и время от времени бросают в его сторону тревожные взгляды.

Биал пошевелил руками. От долгого сиденья затекла спина и ягодицы. Из одежды ему оставили лишь белоснежные хлопчатобумажные трусы. Только вряд ли медиков за прозрачной перегородкой интересует его накаченная мускулатура настоящего космического пехотинца. Вот на пляже он непременно собрал бы на себе десятки восхищённых девичьих взглядов.

Эх! Глаза бы не видели. Биал отвернулся. Рядом с креслом для осмотров непонятный аппарат переливается десятками цветных огоньков, по огромному экрану ползут какие-то кривые. В душе медленно тлеет преогромный заряд раздражения вкупе со страхом. Даже этот непонятный медицинский аппарат ненавязчиво намекает: ты близок к окончательному и безоговорочному списанию в утиль. Козлы отстойные!

Биал медленно втянул воздух через нос и ещё более медленно выдохнул через рот. Очередная вспышка гнева благополучно прошла, можно и нужно расслабить нервно сжатые кулаки. Главное не сорваться, не сорваться. Тогда точно спишут.

После чудесного спасения из подземелий Свалки обратно в родной Второй полк Биал так и не попал. Контр-адмирал Нинчан, который взял на себя командование Первым ударным флотом, очень вовремя объявил о прекращении боевой операции на Свалке. Словно тяжело раненного Биала там же в медицинском отделе уложили в анабиозную капсулу. В себя он пришёл уже на Миреме, в Адаунском военном госпитале.

Целый месяц, целый грёбаный месяц его пичкают психологическими тестами, берут всевозможные анализы и снова и снова, снова и снова проверяют и перепроверяют его физическое и душевное здоровье. Проблема всё та же – бздят врачи, ох как бздят. Ни один лечила в белом халате упорно не хочет верить, будто специально подготовленный солдат не может выбраться из смертельных подземелий Свалки и при это не тронуться умом.

Биал украдкой бросил взгляд на прозрачную перегородку. Тощий медик слева с руками краба что-то трусливо шепчет. Не иначе предлагает списать пациента от греха подальше. Вдруг Биал окончательно спятит и перестреляет офицеров из электромагнитного автомата. Второй медик, низенький бородач с плешью на всю голову, неуверенно жмётся, хмурится и разводит руками. У пациента не выявлено никаких отклонений, никаких патологий. Нельзя без серьёзных доказательств объявлять Биала сумасшедшим. Вдруг он в суд подаст! Вся надежда на третьего врача, с виду самого крепкого и здорового. По крайней мере в его взгляде не сквозит

страх за собственную задницу. Только... крепыш по большей части молчит, хотя и не размахивает руками от бессилия.

Жмутся и хмурятся, гипократы хреновы. Только на этот раз, Биал злорадно усмехнулся, разруливать проблему с пациентом придётся им и только им. Ещё глубже в тыл, к ещё более авторитетным и учёным медикам, пациента не отправить. Некуда глубже! Ух, Биал приподнялся в медицинском кресле, с каким бы превеликим удовольствием набил бы всем троим морды. Чтобы по меньше думали и сомневались в его здоровье. Но нельзя! Биал упал обратно на мягкую спинку медицинского кресла и закрыл глаза.

Одна единственная вспышка неконтролируемого насилия и его точно спишут. Нужно расслабиться и терпеть, терпеть, терпеть, чёрт побери. Однако страх, маленький противный червячок, упорно грызёт душу. Списать легко. Допустить обратно к строевой службе гораздо, гораздо сложнее. Бздят медики, ох как бздят. Ох как не хотят брать на себя ответственность. Кого в первую очередь привлекут, если вдруг недообследованный пациент в один прекрасный день запихает гранату себе в штаны? И ладно если в собственные штаны, а не в штаны какого-нибудь полковника или генерала.

Новый звук привлёк внимание, Биал открыл глаза. За прозрачной перегородкой появился новый актёр, офицер космического десанта. Причём не медик, а, Биал сощурился, строевой капитан.

Какая жалость! Прозрачная перегородка поглощает почти все звуки. Вместо слов во внутрь пробивается лишь невнятный гул. Зато, Биал улыбнулся, судя по мимике и жестам, капитан шерстит уважаемых врачей и в хвост и в гриву. Как ефрейтор отчитывает новобранца за грязные ботинки или плохо заправленную койку. Только крепыш осмеливается что-то там пищать в ответ. Тощий медик так вообще вжал голову в плечи и боится лишний раз моргнуть. Наконец капитан в последний раз поднёс к носу крепыша кулак и самым решительным образом толкнул дверь в прозрачной перегородке.

Инстинкты быстрее мысли. Капитан ещё только перешагнул высокий порог, как Биал соскочил с медицинского кресла и вытянулся по стойке смирно.

– Рядовой Ришат по вашему приказанию прибыл! – чётко, как на плацу, во всё горло отчеканил Биал.

Перебор, Биал смутился. Последнее точно было лишним. На плацу полагается находиться в форме согласно уставу. В госпитале перед офицерами можно не вскакивать, да и честь отдавать ни к чему. Однако вбитый в подкорку строевой устав пришёлся ко двору. Суровое выражение тут же слетело с лица капитана.

– Вольно, рядовой, – капитан улыбнулся.

Медики толпой ввалились в смотровую следом за капитаном, однако все трое испуганно молчат. И слава богу, Биал слегка расслабился и опустил плечи.

– Спрошу прямо, рядовой: – капитан вновь нахмурил брови, от былой улыбки не осталось и следа, – вы готовы вновь направиться на Свалку в действующую армию?

– Так точно!!! – гаркнул Биал.

Всего два слова вырвались из груди помимо сознания.

– Почему?

– Мсть, капитан. На моих глазах погибло много отличных парней, моих друзей и товарищей по оружию.

– Только ли мсть? – капитан лукаво прищурился.

– Только мсть, – отрезал Биал.

Какой смысл врать и разыгрывать из себя патриота. Правда, какой бы горькой и противной она не была, лучший аргумент в любом споре.

– На моих глаза, витус, – продолжил Биал, – сдался в плен сержант Зилуч, мой командир отделения. Следом за ним с поднятыми руками сдался рядовой Тошран, мой напарник.

Аборигены сломили их морально. За этот позор ещё там, в подземельях Свалки, я поклялся отомстить.

Язык мой, враг мой, Биал едва не откусил сам себе кончик языка. Последнее признание было явно лишним.

– Вот видите! – тут же радостно воскликнул тощий медик. – Я же предупреждал вас, что он...

– Молчать! – рявкнул капитан.

Офицер космического десанта даже не повернул голову в сторону тощего медика. Однако его грозного рыка вполне хватило, чтобы тот разом заткнулся.

– Рядовой Биал Ришат, приказом министра обороны вам присвоено внеочередное звание сержанта. Теперь вы командир отделения.

– Служу Федерации! – Биал вновь вытянулся по стойке смирно.

– Принято решение отправить третью и самую решительную экспедицию на Дайзен 2 для подавления вооружённого бунта и наведения конституционного порядка.

– Но он же... – от удивления самый крепкий медик подался было вперёд.

– Сейчас каждый космический пехотинец на вес золота, – капитан медленно повернулся к крепкому медику. С вашей стороны преступная халатность держать под замком полностью подготовленного космического пехотинца в отличной физической форме, к тому же обладающего реальным боевым опытом.

От слов офицера космического десанта повеяло таким холодом, что крепкий медик испуганно вжал голову в плечи.

– Поздравляю вас, сержант.

Биал от души пожал крепкую, накаченную руку капитана.

Быстрым решительным шагом капитан вышел из смотровой. Медики гуськом потянулись за ним следом. Тощий что-то недовольно бурчит под нос.

– Служу Федерации, – гораздо более тихо и спокойно произнёс Биал.

Радость. Ослепительная радость распирает грудную клетку. Биал с трудом перевёл дух. Дыхание сбилось, словно только что пробежал десятку с полной выкладкой. Наконец-то! Целый месяц эскулапы в погонах на пушечный выстрел не подпускали его к ИПС, Информационной планетарной сети. Что творится за пределами Адаунского военного госпиталя ведаёт только один Великий Создатель. Однако капитан сказал более чем достаточно, чтобы понять самое главное – третья военная экспедиция на Свалку будет. Десант понёс большие потери, которые сложно возместить даже здесь, на благодатной метрополии. Во истину, нет худа без добра.

– Повезло тебе, – в открытой двери показался тощий медик. – Чего стоишь столбом? Возвращайся в палату и пакуй чемоданы. Через час велено тебя выписать.

– Слушаюсь, – машинально ответил Биал.

А, ведь, тощий эскулап прав, Биал торопливо переступил высокий порог смотровой: всего за два года с момента окончания Адаунского пехотного училища выслужиться до сержанта, командира отделения – невероятный карьерный скачок. Зил, то есть сержант Зилуч, проходил рядовым пять или даже семь лет, прежде чем получил лычки сержанта на погоны. А Шалфей, более опытный бывший напарник, прослужил больше двадцати лет, однако так и остался рядовым.

– Нет, доктор, – Биал повернулся к тощему медику, – я эти лычки кровью заслужил. Не на плацу или полигоне, а там, в подземельях Свалки. Вот этим пальцем, – Биал вытянул указательный палец, – я пристрелил не меньше трёх десятков аборигенов.

Тощий медик насупился и отвернулся. Впрочем, Биал накинул на плечи белый больничный халат, никакие завистники и тыловые крысы не в силах испортить приподнятое настроение. Эскулапы недовольны решением капитана. Да кого теперь интересуется их мнение?

Дикий соблазн на мгновение стрельнул в голову и, слава богу, пропал. Биал аккуратно закрыл за собой дверь в смотровую. А так было бы здорово грохнуть ей со всей силы! Чтобы у тощего глаза из орбит вылетели.

Глава 3. Топорное убийство

По размерам Ларана 5 в два раза больше Мирема, только в силу местных геологических особенностей недр её гравитация всего на десять целых и одну десятую процента больше стандартной. Из-за этой жалкой десятой доли планету чуть было не признали непригодной для заселения. В своё время в парламенте Федерации развернулись бурные прения. Учёные и легионеры (обобщённое название правозащитных организаций) упорно настаивали на запрете. Однако Министерство колоний, при артиллерийской поддержке Министерства финансов и президента Винжана лично, передавали ситуацию в свою пользу. В 7294 году Нижняя палата приняла специальный закон, который признал Ларану 5, пятую планету в звёздной системе Лараны, годной для заселения в порядке особого исключения. Сенат для виду подискутировал пару дней, после чего президент Винжан быстренько поставил под законом свою подпись.

В далёком геологическом прошлом на Ларане 5 извергалось множество вулканов, а на её поверхность упало ещё больше массивных метеоритов. Ну а так как на планете начисто отсутствует атмосфера, вода и ветер, то многочисленные кратеры на её поверхности так и остались в первозданном состоянии. Лишь изредка между крутыми горными хребтами и нагромождённых друг на друга кратеров протянулись узкие языки лавовых равнин.

Ларана 5 богата тяжёлыми радиоактивными металлами. Из-за чего собственно в Нижней палате Федерации и развернулись бурные прения. Наиболее удобные места для добычи полезных ископаемых находятся либо в жерлах давно потухших вулканов, либо на дне исполинских метеоритных кратеров.

Редкие поселения шахтёров возникли рядом с шахтами и рудниками. Не удивительно, что все они оказались на сотни и сотни метров ниже уровня земли. Так у Лараны 5 появилось второе гораздо более известно имя Яма.

Зловещий оттенок второму имени придало ещё одно обстоятельство. От звёздной системы Лараны до метрополии световому лучу путешествовать целых двадцать восемь лет. Зато рядом, по галактическим меркам, разумеется, всего в восьми световых годах находится Тилана 3, прекрасная Акатуна, сестра-близнец старичка Мирема.

На Акатуне плотная атмосфера насыщена кислородом. Две пятых планеты покрывает синий океан. На материках и островах растут густые леса и джунгли. За триста лет интенсивной колонизации население колонии достигло внушительной цифры в восемьсот миллионов человек, четыре пятых человечества за пределами звёздной системы Геполы.

Пусть на прекрасной Акатуне до сих пор хватает медвежьих углов, однако правительство не стало портить облик планеты тюрьмами и поселениями для заключённых. Не долго думая, в Яму стали сливать всех, кто не в ладах с законом, кто не хочет жить мирно и вовремя платить налоги.

Колонии в Яме далеко до Свалке. За пять десятков лет количество вольных и невольных переселенцев едва, едва перевалило за двадцать семь тысяч. Ларана 5 ещё не может принять всех без исключения колонистов третьей категории с Тиланы 3. Однако ещё лет через пятьдесят Яма окончательно станет для прекрасной Акатуны тем, чем Свалка является для Мирема вот уже четвёртое столетие.

Утро понедельника для многих обитателей Алинграда, столицы Лараны 5, самое тяжёлое время. Как весело было на выходных и как не хочется возвращаться к тяжёлому монотонному труду в рудниках и шахтах проклятой Ямы. Впрочем, для Янпана Свана, гораздо более известного под кличкой Лом, утро понедельника обладает своей собственной неповторимой привлекательностью. В отличие от подавляющего большинства подневольных работников Ямы он обожает свою работу. Чем может быть плох понедельник, когда после двух законных выходных в кругу любимых жён и детей можно наконец вернуться к любимому делу?

Для своих сорока семи стандартных лет Сван выглядит великолепно: здоровенный физически крепкий мужик. Не жирный боров с отвислыми боками, а крупный боец. В синей рабочей робе Сван похож на обычного эмигранта третьей категории с накаченными бицепсами, пудовыми кулаками и пропитыми мозгами. На деле это не совсем так. Пусть у него пальца рук и в самом деле короткие и толстые, зато совершенно нетронутые лопатой или ломом. А всё потому, что Сван не работает на урановом руднике инженером или прорабом на стройке. Нет. Вот уже двадцать шесть лет Сван прилежно трудится главным следователем в Управлении полиции Алинграда. По сути он главный следак всей Ямы.

С момента основания пятьдесят лет назад Алинград почти естественным образом разделся на три уровня. Самый верхний, самый престижный и дорогой, занимают жилища колониальных чиновников и прочих не самых бедных жителей столицы. На среднем расположились предприятия по обслуживанию Алинграда, заводы, мастерские и, естественно, Управление полиции. Третий, самый низкий и большой уровень, занимает урановый рудник и обогажительная фабрика. Словно в насмешку бараки эмигрантов третьей категории застряли между вторым и третьим уровнями.

На работу в Управление Сван предпочитает ходить пешком. Просторные улицы-туннели едва-едва оживают. Работяги в полинялых спецовках и чиновники в потёртых пиджаках торопливо-медленно перебирают ногами. Немногочисленные женщины ведут ещё менее многочисленных детей под руки в единственный в Алинграде детский сад. Изредка по проезжей части проскакивает электромобиль. Прохожие нехотя уступают дорогу древним развалюхам на четырёх колёсах. Гул голосов и топот ног то и дело пререзают гудки машин и грязная ругань водителей.

По правой стороне улицы-туннеля тянутся большие панорамные окна. Сван на секунду остановился перед одним из них. Внизу, в свете прожекторов, копошатся огромные машины. С высоты в две сотни метров отлично видно, как экскаватор четырёхметровым ковшом зачёрпывает взорванную вчера вечером породу. Кузов гораздо более маленького самосвала ходит ходуном, когда экскаватор опрокидывает в него очередной ковш.

На дне Алины, в жерле исполинского давно потухшего вулкана, работает самый крупный на планете карьер. Столица колонии прилепилась на северном склоне исполинского жерла. Близкое соседство с карьером ни как не отражается на жизни города. У Лараны 5 начисто отсутствует атмосфера. Ни шум от работы исполинских машин, ни запах смазки или горелой резины не тревожат жителей столицы. Лишь раз, от силы два раза, в неделю улицы и дома Алинграда мелко встряхивает, когда в карьере тонны взрывчатки дробят на мелкие камешки сотни тонн богатой ураном породы. Настоящих природных землетрясений на Ларане 5 не бывает. Недра планеты давным-давно остыли.

В вестибюле Управления полиции за старым железным столом с отполированной столешницей сидит утус Озар Чвирин, семидесятивосьмилетний эмигрант третьей категории. На удивление бывший заключённый совершенно не боится носить чёрный мундир полицейского, к тому же изрядно поношенный и с чужого плеча. Как полицейскому Свану полагается точно такой же, только форма вот уже который год висит в шкафчике в кабинете без всякой пользы. Сам Сван предпочитает носить тёмно-синий рабочий комбинезон простого шахтера.

Лет сорок назад Озара Чвирина сослали в Яму за коррупцию. Некогда городской чиновник средней руки не смог устоять перед подношением в конверте и проворовался самым глупым образом. В полиции Алинграда утус Чвирин работает привратником, секретарём и дворником одновременно. К нему в первую очередь стекаются донесения и рапорты о всех без исключения происшествиях в колонии. Так же он на короткой ноге со всеми секретарями и секретаршами руководителей колонии. Ну а с различными диспетчерами и дежурными рудника и городских служб так вообще завязанный друг и собутыльник. Утус Чвирин самый информированный человек в Яме. По этой же причине он самый большой сплетник.

Утус Чвирин может часами рассказывать кто с кем спит, кто с кем дружит и кто кого ненавидит. Что в его словах правда, а что глупейший домысел, разобрать невозможно. И как только он до сих пор умудряется сохранять голову на плечах? Любого другого на его месте давно бы тихо повесили за длинный язык в многочисленных проходах и туннелях Алинграда. Яма не Акатуна, нравы здесь простые и конкретные.

– Ну, уважаемый, – костяшками пальцев Сван облокотился о столешницу и синей скалой навис над утусом Чвирином, – какие новости?

Выходные дни в Алинграде богаты на события. Узнать сводку происшествий с утра понедельника не блажь, а служебная необходимость.

– Ничего серьёзного, уважаемый, – утус Чвирин льстиво улыбнулся как должник при виде кредитора. – Так, мелочь одна: семь драк, две поножовщины. В «Усталом горняке» клиент не захотел оплатить услуги проститутки, за что сутенёр вывернул ему карманы и поставил на счётчик. И да! – глаза утуса Чвирина заблестели от возбуждения. – Убит Ирш Елагин, мастер-проходчик с Четвертого участка.

Убийство – обычное дело, Сван лениво зевнул. В Алинграде, в самом большом городе маленькой колонии, редкие выходные обходятся без трупов. Ирш Елагин покойник официально зарегистрированный. Не исключено, что ближе к обеду в коллекторах и отстойниках найдут ещё парочку трупов. А пока с утра пораньше нужно будет по-быстрому раскрыть убийство мастера-проходчика.

– Хорошо, – Сван выпрямился, – бди дальше.

– Подождите, витус!

Утус Чвирин схватил Свана за рукав комбинезона. Прочная ткань недовольно затрещала.

– Чего тебе, – Сван вновь повернулся к утусу Чвирину.

– А вы слышали самую главную новость сегодняшнего утра?

Глаза утуса Чвирина забегали из стороны в сторону как у алкаша при виде большой бутылки самогона. Однако Сван не поддался на провокацию, лишь молча вырвал правую руку из цепких пальчиков привратника и самого большого на планете сплетника.

– На орбите над Ямой, – голос утуса Чвирина опустился до противоправного шёпота, – завис «Ягуар».

– Какой ещё ягуар?

Терпение испаряется капля за каплей, Сван недовольно сдвинул брови. Если Чвирин опять заведёт очередную любовную байку, то ему придётся срочно бежать в туалет. Кровь, если её вовремя не смыть, оставит на чёрном засаленном мундире бурые пятна.

– Разведчик «Ягуар» ВКС Федерации, – охотно подсказал утус Чвирин.

Космический разведчик... Сван скосил глаза в сторону. А! Ну да – относительно небольшой боевой корабль для разведки в глубоком космосе. Вооружение относительно слабое, зато могут летать быстро и очень, очень далеко. В ВКС Федерации входит всего одна эскадра боевых разведчиков: «Ягуар», «Кот», «Пума» и «Леопард», кажется. Почему её и называют «кошачий флот». Как раз на прошлой неделе по телеку рассказывали.

– Ну и что, – равнодушно протянул Сван. – Нам-то какое дело? Как прилетел, так и улетит. Бунта в Яме, хвала Великому Создателю, не наблюдается.

– Ну как же, уважаемый! – утус Чвирин эмоционально всплеснул руками, будто только что узнал, что на самом деле он женщина. – Не приведи Создатель, бунт, так к нам бы послали какой-нибудь крейсер. На крайний случай Первый крейсерский флот. Ну, это, как на Свалку. Не-е-е... – утус Чвирин потряс указательным пальчиком, – это «мяу» не спроста. «Кошка» что-то или кого-то привезла, мизинец на отсечение. Причём в большой спешке, раз это что-то или кого-то не послали замороженной тушкой обычным транспортником.

– Да ну тебя, – лениво отмахнулся Сван. – По меньше болтай по телефону и почаще протирай пыль в голове.

Сван отошёл от стола привратника. «Кошка», «мяу», которое неспроста, его не касается. Незачем забивать голову. И без «мяу» проблем хватает.

Личный кабинет порадовал приятной прохладой, Сван аккуратно закрыл за собой дверь. Пусть витус Райден, начальник полиции Лараны 5, что-то там ворчит об экономии электроэнергии, однако сам предпочитает оставлять кондиционер на полную катушку на все выходные. Иначе к утру понедельника в кабинете скапливается затхлый воздух с запахом металла и жжёной резины.

По меркам Ямы личный кабинет главного следователя обставлен очень даже хорошо, можно даже сказать дорого. Рабочий стол не из местного железа дурного качества, а из более дорогого и приятного пластика тёмно-коричневого цвета под дерево. А толстая столешница вообще из натуральной древесины. Пусть электронный рабочий стол то и дело скользит по ней, зато дотрагиваться до настоящего дерева гораздо приятней, чем до холодного металла или бездушного пластика.

На стене напротив стола электронные часы в деревянной раме. В углу пылится ещё один крошечный круглый столик на высокой стальной ножке. Вообще-то он предназначен для цветов. Но, увы, цветы в личном кабинете не живут. То ли атмосфера здесь тяжёлая, то ли поливать их нужно регулярно. Причём желательно водой, а не остатками кофе или чая.

Главное украшение кабинета, самая настоящая гордость, большое кресло из нержавеющей стали с широким подголовником. Четыре толстых болта намертво удерживают кресло точно напротив письменного стола. На подлокотниках широкие захваты, ещё пара на подставке для ног.

Указательным пальцем Сван чиркнул по электронному столу. Большой экран тут же ожил, точно по середине замигала грозная предупредительная надпись: «Введите пароль». Сван десять раз ткнул пальцем по виртуальной клавиатуре. Утус Чвирин, старый сплетник, обычно правильно докладывает о самых главных происшествиях, однако прочитать официальную сводку лишним не будет. Болтливый привратник частенько забывает маленькие, но очень важные в работе следователя детали и подробности. Что неудивительно: Чвирина в первую очередь интересуют самые перчённые подробности, чтобы было о чём поболтать и чем поразить Нерду, секретаршу витуса Рюпона, губернатора Ямы. Старый козёл упорно подбивает клинья к сорокалетней красавице, упорно на что-то надеется. Будто у него найдётся хотя бы один крошечный шанс супротив того же губернатора.

Так, это должно быть здесь. В пару кликов Сван вывел на рабочий стол официальную сводку. Ну да, так и есть – выходные дни прошли в Алинграде как обычно.

Янпан Осьятитч Сван – представитель самого первого поколения коренных жителей Лараны 5. Оба его родителя уголовники. Отец был осуждён на Акатуне за бандитизм, мать там же за финансовые махинации в особо крупных размерах.

На Акатуне Есида Тинкун даже не глянула бы в сторону Осьята Свана. Однако в Яме она быстро сориентировалась и ещё быстрее выскочила замуж за крутого мужика с накаченными бицепсами, бычьей шеей и дурным характером. Иначе ей грозила бы судьба всеобщей невесты. Длинные ноги, грудь четвёртого размера и густые русые волосы на планете-тюрьме из достоинств превратились в проклятье. И не прогадала: по достоверным слухам Осьят Сван лично свернул шеи десятёрым претендентам на красавицу Есиду, сотне или около того просто морду набил. Не хватает женщин в Яме, очень не хватает. Именно от отца Сван унаследовал мощную фигуру, физическую силу и упрямство перегруженного ишака.

Полноценного образования Сван не получил, да и не мог получить. Причина та же: когда ему было пять лет системы образования на Ларане 5 просто не было. Ни одной даже самой занюханной школы с древними планшетниками и ещё более древней интерактивной доской. По большей части Сван учился самостоятельно. Ни папа, который сам едва умел читать, ни мама, которая никогда не любила ни папу, ни его семья, не заставляли Свана корпеть над учеб-

никами. Только благодаря тому, что в маленькой колонии преступности просто негде развернуться, он не пошёл по стопам родителей.

Когда Свану исполнилось двадцать лет, в Яме наконец-то была организована полиция. Как самого начитанного и сильного его тут же взяли следователем в криминальный отдел. Папа был не в восторге, маме, как обычно, было по барабану. Но Сван плюнул на мнение папы с самой высокой вышки Алинграда. Гонять эмигрантов третьей категории, сажать их в кутузку и отправлять на виселицу гораздо приятней и легче, чем вкалывать вместе с ними в рудниках и шахтах.

В двадцать пять Сван разом женился на двух девушках, чем вызывал острую зависть большей части мужского населения колонии. Готара и Ланта, как и сам Сван, представители самого первого поколения коренных жителей Ямы. Вместе в детстве на горшках сидели, играли одними и теми же игрушками, а потом создали одну семью. За двадцать два года брака жёны родили ему пятерых детей. Хотя, и в этом злые языки были как никогда правы, Готара и Ланта предпочли обрести в его лице могучего защитника и тем самым надёжно оградить себя от грязных посягательств со стороны измученных воздержанием мужиков. И не ошиблись: Сван лично свернул шею шестерым особо наглым ухажёрам и ещё около полусотне просто морду набил. Не хватает женщин в Яме, очень не хватает.

За двадцать семь лет безупречной службы Свану ни раз и не два предлагали должность заместителя начальника полиции, самое высокое кресло, которое только может занять абориген. Только более высокому окладу и кипам деловых бумажек Сван предпочёл гораздо более интересную работу в «поле».

Драка, драка, поножовщина. «Усталый горняк» и жадный клиент, пусть сам со «счётчиком» разбирается. Сван быстро пролистал официальную сводку. А! Вот – убийство мастера-проходчика Елагина. На место преступления был вызван лейтенант Равер, дежурный офицер. Согласно его рапорту, преступник наступил на лужу крови. Размер ботинка – сорок четвёртый. Орудие убийства – гаечный ключ на 50. Так, Сван ткнул пальцем в синюю ссылку, справка из криминалистической лаборатории. В крови убитого обнаружена убойная доза алкоголя, а в желудке выпивка самого низкого качества.

Всё ясно, Сван выпрямился в кресле. Накануне смерти в субботу вечером мастер-проходчик Елагин прилежно нализался дешёвым бухлом в каком-нибудь задрипанном баре, где бармен вместо закуси даёт понюхать собственную лысину. Неофициальной жены нет, официальной тем более нет. Проституток мало и стоят они бешенные деньги. Вот и остаётся простым работягам единственная радость – дешёвый самогон и алкогольное опьянение.

Пора браться за дело, Сван ткнул указательным пальцем в иконку вызова личного помощника.

– Доброе утро, витус, – на рабочем столе возникло изображение Цлага Габауна. – Да, я уже ознакомился с материалами дела. С чего начнём?

Среди эмигрантов третьей категории Цлаг Габаун получил кличку Фомка от прозвища самого Свана. Фомка – маленький лом. Цлаг парень исполнительный, а вот с инициативной у него не очень. Другой бы на его месте давно стал бы либо самостоятельным следователем, либо ушёл бы на повышение. А Фомка по-прежнему предпочитает ходить следом за Сваном.

– Раз ты в курсе, то подгоняй ко входу «воронок». Поедем подозреваемого брать.

– Вы уже знаете, кто убийца? – лицо Фомки вытянулось от ожидания.

– Нет, – Сван смачно зевнул. – Работа топорная. Только полных лох мог оставить свою визитку возле трупа в виде отпечатка ботинка. Проблем с поиском не будет.

«Воронок» – маленький электромобиль на двух полицейских. Главное достоинство кроме четырёх колёс – небольшое отделение для задержанного за сиденьями водителя и пассажира. Пусть убийство топорное, однако в поисках преступника придётся обойти множество баров на рабочей окраине Алинграда. Топать пешком далеко и утомительно.

Поиск убийцы не занял много времени. В «Изотопе», в четвёртом по счёту питейном заведении, бармен и официант опознали убитого Елагина. Они же рассказали, кому именно накануне в субботу вечером мастер-проходчик набил морду – некий Итин Бишак, чернорабочий с карьера.

Запрос в базу данных мэрии Алинграда выявил ещё один интересный факт: в понедельник утром утус Бишак взял на складе спецодежды новые ботинки, а старые так и не сдал. В пояснении Итин Бишак указал, будто старая обувь полностью износилась и страшно воняет. Тем более подозрительно: прежнюю пару ботинок он получил всего четыре месяца назад. Вряд ли за это время он мог износить их до такой степени, что сдавать обратно на склад совершенно нечего. Да и размер ноги у Итина Бишака совпадает, тот же сорок четвёртый.

В досье на утуса Бишака отмечено, что он отличается склочным и мстительным характером, за что и угодил в Яму. На Акатуне за ним числится два трупa. В уголовном деле следователь прямо указал на возможное наличие ещё двух жмуриков. Отпали последние сомнения: Итин Бишак грохнул Ирша Елагина. Для окончательного доказательства вины осталось найти ботинки со следами крови жертвы и орудие убийства гаечный ключ на пятьдесят.

На предварительное следствие ушло около четырёх часов. Ещё до обеда Сван вместе с помощником взял Итина Бишака в барак для рабочих.

– Садись, – Сван грубо толкнул Бишака в большое кресло из нержавеющей стали.

Подозреваемый шлёпнулся на сиденье и затравленно оглянулся. Бишак едва, едва держится, дабы не наложить в штаны от страха. Без малейшего сопротивления он позволил Фомке застегнуть руки и щиколотки в стальных зажимах на подлокотнике и подставке для ног.

– Клиент готов и жаждет общения, – Фомка разогнул спину.

Сван с грохотом поставил стальную табуретку рядом с креслом для допросов. От страха Бишак дёрнулся всем телом, побледнел, но промолчал. Сван взгромоздился на табуретку. На клиенте новенькая, с иголки, роба. На рукавах и штанинах не успели разгладиться складочки от долгого хранения на складе. Новые ботинки на липучках до сих пор припорошены белесой пылью. Так..., Сван уставился на подозреваемого холодным немигающим взглядом, придётся найти ещё и старую робу. Запачкал кровью, болван, когда бил Ирша Елагина ключом по голове.

Тягостное молчание действует сильнее самой грязной ругани. Бишак побледнел ещё больше. Руки в стальных зажимах мелко, мелко трясутся, грязные обкусанные ногти царапают металл. Понимает, каналья, куда попал и что его ждёт. Страх перед лицом грозного Лома плещется в глазах Бишака, однако ужас перед неизбежным наказанием пока перевешивает. От того и молчит. Бледнеет, ёрзает, скребёт ногтями, но всё равно молчит.

Не смотря на новенькую робу от Бишака несёт мочой и застарелым потом. В давно невымытых волосах блестят крупинки перхоти. Однако смачный перегар перебивает прочие запахи. Господи, Сван недовольно поморщился, что он только пил?

Не хватает женщин в Яме, очень не хватает. Редкий мужчина может похвастаться законной женой. Только отсутствие пары полбеда, даже треть. Никаких, для эмигрантов третьей категории абсолютно никаких, перспектив по жизни. Вот и остаётся подавляющему большинству бывших жителей благодатной Акатуны пить, пить и ещё раз пить. Пить и призывать цирроз печени как избавителя от тоскливого и однообразного существования.

– Ну, утус Бишак, – медленно протянул Сван, – для начала попробуем по-хорошему. Скажи, мил человек, за что ты убил Ирша Елагина? Куда спрятал гаечный ключ на пятьдесят, а так же робу и ботинки? Те самые, которые ты кровью убиенного заляпал.

Бишак затряс головой, захлопал губами словно рыба, которую вытащили из аквариума на свежий воздух. Белые и красные пятна разукрасили лоб и щёки чернорабочего с карьера.

– Не виноват я, начальник, – с хрипом выдавил из себя Бишак. – Не знаю я, кто Елагин грохнул. И старую робу с ботинками в люк канализационный я не прятал. Я, это, того, в субботу вечером, как обычно, в «Изотопе» нализался. Что дальше было – не помню. Очухался ночью

прямо в третьем туннеле. Да, точно, в третьем. Не знаю как до барака добрёл. Воды, это, того, налкался и снова вырубился, у себя, это, в конуре.

Врёт Бишак неумело и крайне неубедительно. Особенно про канализационный люк, в котором он не прятал заляпанные кровью робу и ботинки.

– Если врать не умеешь, то лучше не делай этого, – ласково произнёс Сван. – Вот, например, ботинки на тебе новые, а старые ты на склад так и не сдал.

– Так, это, – глаза Бишака испуганными кошками заметались из стороны в сторону, – износились старые. Да! Точно износились. Сильно. И воняют. Сильно. Я их, того, сразу в утилизатор бросил. Девигу, это, кладовщик, ругается матерно, когда мы ему вонь приносим.

Пусть на Ларане 5 давно нет атмосферы, однако под поверхностью планеты обнаружены большие запасы ископаемого льда. Чем с чем, а с водой в колонии проблем никогда не было. Только очень многие эмигранты третьей категории настолько запускают себя, что не моются месяцами.

– За четыре месяца износил, – Саян участливо склонил голову.

– Да! Да! За четыре, – Бишак тут же судорожно закивал.

– А ничего, что они на три года рассчитаны? – как бы между прочим поинтересовался Сван. – А многие их и все пять носят.

– Так они, это... – паника выступала на лбу Бишака обильной испариной. – Бракованные были. Да! Точно! Бракованные. И воняли. Сильно.

От столь счастливой находки Бишак аж приободрился.

– Допустим, – тут же легко согласился Сван. – А старую робу куда дел? Тоже сносила? Тоже воняет? Тоже в утилизатор бросил?

– Да! Да! Сносила, воняет, бросил, – Бишак аж заулыбался от радости.

– Ох, врешь ты, братец. Врешь, – Сван в сомнении покачал головой. – Не мог ты её в утилизатор бросить. Никак не мог. Твой весьма скромный семейный бюджет никак не потянет столь сильную трату.

Как и большая часть эмигрантов третьей категории Итин Бишак живёт очень бедно. Старая рабочая роба, даже заношенная до дыр и вонючая как заброшенный толчок, очень ценная вещь. Если спецодежду никак нельзя подремонтировать, заштопать, то её вполне можно пустить на материал для ремонта других спецовок, на тряпки пол мыть, наконец. Ещё из свёрнутой робы получается отличная подушка под голову, или ноги укрыть. Да мало ли где ещё может пригодиться старая рабочая спецовка.

– Честное слово, начальник, в утилизатор бросил, воняла, – Бишак упорно гнёт свою линию. – Не убивал я, мамой клянусь.

Сван тяжело вздохнул. На счёт мамы он это зря сказал.

– Мил человек, ты пойми: – Сван наклонился к Бишаку, – ну не досуг нам с Фомкой искать тот самый канализационный люк, куда ты улики сбросил. Не досуг. Знаешь, сколько этих самых люков по всему Алинграду наткано. А мне домой хочется, пообедать по-человечески.

Предлагаю по-хорошему последний раз, – Сван выпрямился на табуретке, – сознавайся, куда улики сбросил?

Итин Бишак задышал глубоко-глубоко и побелел, словно его облили белилами.

– Не виноват, я-я-я... – Бишак едва не плачет от отчаянья.

Не сознаётся, Сван тихо вздохнул. Итин Бишак упорно не хочет говорить, куда сбросил улики. Вопреки названию утилизатор не уничтожает вещи, а отправляет их на склад вторсырья. В казённые ботинки и робы для учёта и контроля встроены микрочипы. Какими бы сносненными и вонючими не были бы вещи Бишака, они в любом случае должны были бы оказаться на складе. Об этой важной детали Бишак либо забыл, либо не знал вовсе.

– Жаль, жаль, очень жаль, уважаемый, – Сван притворно вздохнул. – Придётся нам поговорить с вами по-плохому. Крокодила! – Сван резко выбросил в сторону правую руку.

Итин Бишак тут же задёргался, завертелся в стальном кресле для допросов, будто через его руки и ноги прошёл электрический ток в тысячу вольт и сотню ампер. Зашуршал отодвигаемый ящик письменного стола. Фомка вложил в протянутую руку хвост игрушечного крокодила.

Обычная детская игрушка, старая и облезлая. Некогда ярко-зелёная шкурка крокодила со временем стала грязно-зелёной, а на вытянутой морде появились бурые пятна. При виде старой детской игрушки Бишак замер в кресле для допросов, словно примёрз к широкой спинке. Зато глаза чернорабочего едва не вылезли из орбит.

Медленно, демонстративно медленно, Сван поднёс игрушечного крокодила к лицу Бишака. Тупая мордочка с крошечным красным язычком упёрлась чернорабочему прямо в губы. Бишак инстинктивно дёрнулся назад, затылок гулко стукнулся о стальной подголовник.

Сван сощурил глаза. Обычно в этот момент подозреваемый либо колется, либо писает. Лёгкое журчание, Сван опустил глаза, из левой штанины Бишака выбежала вонючая жёлтая струйка. Это плохо, чернорабочий выбрал второй вариант, придётся повозиться.

Крокодилья мордочка прошлась красным язычком по губам, носу и подбородку Бишака. Чернорабочий пристально смотрит на старую игрушку, тяжело дышит и продолжает упорно молчать.

– Ну так что, – Сван легонько ткнул Бишака крокодилей мордочкой в левый глаз. – Может, сознаешься? Пока не поздно.

Итин Бишак на грани паники, от страха он перестал трястись всем телом, однако упорно продолжает и продолжает молчать. Тем хуже для него.

Впрочем, Бишака можно понять: за убийство Ирша Елагина его ждёт виселица. В Яме нравы простые. Отправлять в тюрьму того, кто и так сидит в тюрьме не имеет никакого смысла. Ну не отпускать же Бишака как ни в чём не бывало? В назидание остальным эмигрантам третьей категории его повесят.

Резкий взмах. Свист рассекаемого воздуха. Грязно-зелёный крокодил ударился о макушку Бишака. Чернорабочий охнул от неожиданности, затылок ещё раз стукнулся о стальной подголовник. Взмах, свист. Второй удар пришёлся по левому уху. Третий по правому. Голова Бишака заболталась из стороны в сторону.

Чтобы было удобней Сван встал с табуретки. Удары градом сыплются на грудь, живот, ноги Бишака. Особо достаётся лицу и голове. Чернорабочий мычит от боли и бессильно пытается увернуться, только стальные захваты надёжно удерживают его в кресле.

Игрушечный крокодил и в самом деле когда-то принадлежал Жукране, старшей дочери Свана. Потом девочка подросла и дешёвая игрушка очутилась в пыльной коробке в тёмном чулане. Впрочем, ненадолго. Сван приспособил крокодила для нужд следствия. Мягкую набивку заменил плотный песок. Таким нехитрым образом получился отличный инструмент для допросов, который легко развязывает языки и ещё лучше освежает память. Под зелёной пастью с красным язычком допрашиваемые вспоминают даже то, о чём давным-давно забыли. Со временем слава о крокодиле Лома достигла даже самых отдалённых рудников и посёлков Ямы.

– Витус!!! Пощадите! – Бишак взвыл от боли.

Сван тут же опустил старую игрушку и мягко, как ни в чём не бывало, опустил обратно на табуретку. Крокодила, чтобы Бишак не расслаблялся, Сван положил на колени. Клиент дозрел.

– Да-а-а, – Бишак судорожно отхаркнул кровавый сгусток. – Это я, я, я убил его! Получил от Елагина по морде и решил убить его!

– Как это произошло? – спокойно, в противовес истошным воплям Бишака, спросил Сван.

– Елагин на глазах у всех выпинал меня из «Изотопа», только я так и не пошёл домой, а затаился там дальше в тёмном проходе. Когда Елагин вылез из бара и поплёлся домой, я подскочил к нему сзади и треснул ключом по башке.

Сквозь разбитые губы слова признания полились из Бишака бурным потоком.

– Да. Да, пьян был, вот и наступил на лужу, крови. Робу запачкал. С ключа, гаечного, капли полетели, – на одном дыхании выпалил Бишак. – Ботинки, робу, ключ гаечный в канализационный люк сбросил.

– Где люк? – тут же спросил Сван.

– В проходе, служебном, шестом, кажись. Он, это, недалеко от моего барака находится. Налево, если с Тридцатой идти.

На миг Бишак умолк, сглотнул кровавую слюну и тут же продолжил вновь.

– Новая роба у меня и так была. Пуше глаз берёг. С ботинками никак получилось. Пришлось за новыми на склад босиком топать. Девигу бутылку пообещал, самогона. Вот он мне новые ботинки и дал.

– За что Елагина гаечным ключом по башке оприходовал? – Сван пощупал хвост игрушечного крокодила.

Вновь пускать игрушку в ход не потребовалось. Бишак окончательно созрел и даже не думает отпираться.

– Так, это, в карты меня обыграл, – Бишак кашлянул кровью. – Фуфлыжником сделал, на счётчик поставил. Тогда, в «Изотопе» я его Создателем Великим умолял хотя бы счётчик отключить. А он, гад, по морде кулаком двинул, из бара пинками выгнал. Не выдержал я. Вот.

А это гораздо ближе к истине. Сван протянул правую руку в сторону. Бишак вздрогнул всем телом, когда страшный крокодил покинул колени Свана, но тут же успокоился, когда Фомка спрятал старую игрушку обратно в ящик письменного стола.

– Ладно, отдыхай пока, – Сван поднялся на ноги. – Фомка, отведи Бишака в пятую камеру и пни это старое трепло у входа в Управление. Пусть порядок в кабинете наведёт.

Сван переступил вонючую жёлтую лужу, по которой плавают бурые капли.

– Да! Чуть не забыл: – Сван повернулся к помощнику. – Отправь патруль на Тридцать четвёртую. Пусть улики найдут.

– Будет исполнено, – Фомка с щелчком отстегнул лодыжки Бишака от подставки под ноги.

Помощник увёл чернорабочего в камеру. Бишак покорно, словно баран на бойне, позволил заломить руки за спину и защёлкнуть браслеты на запястьях. Пока подозреваемый молча радуется концу допроса с пристрастием, отсутствию боли и хлёстких ударов крокодилом. Чуть позже, в камере, до него дойдёт ужас положения. Своим признанием Бишак подписал сам себе смертный приговор. Без улик, без окровавленных ботинок, робы и ключа на пятьдесят, у него ещё был шанс отвертеться. А так... Из Управления полиции Итин Бишак больше не выйдет. Точнее, его вынесут ногами вперёд в чёрном пакете для трупов.

Впрочем, какая разница? Сван грузно опустился в кресло перед письменным столом. Бишак сам виноват. Его жертву, Ирша Елагина, шесть лет назад слили в Яму за шулерство. В Юрдаве, столице Акатуны, он имел неосторожность развести на большие бабки не тех лохов. Причём не просто развести, а обыграть в долг и поставить на счётчик. Отправить кредитора к чёрту на кулички – один из способов избавиться от долгов. Только урок в прок не пошёл. Уже в Яме Бишак испробовал на Ирше Елагине другой способ – убить кредитора. Что, что, а возвращать карточный долг Бишаку больше не придётся.

В желудке забурчало, Сван машинально почесал живот. Как обычно после удачно раскрытого дела разыгрался зверский аппетит. Да и обед на носу. К чёрту бюрократию. Сван

ногтем щёлкнул по иконке с крестиком, уголовное дело об убийстве Ирша Елагина тут же свернулось и пропало. После будет время разобраться с протоколами и признанием. Да! Ещё потребуются справки из криминалистической лаборатории.

Самое время наведаться в закусочную «Упитанный заяц». Сван грузно поднялся из-за стола. Кусочки жареного мяса с кетчупом и листочками натурального салата – объедение.

Глава 4. Предложение за гранью реальности

Утус Нирук, владелец и шеф-повар закусочной «Упитанный заяц», непревзойдённый мастер жарить мясо. Как обычно Сван с превеликим удовольствием, с кетчупом и листочками натурального салата, съел любимые бараньи отбивные. Правда, как любит повторять утус Нирук, настоящее мясо нужно жарить на живом огне, а не синтетику на электрической плите с грилем. Так оно или утус Нирук таким нехитрым образом набивает себе цену, Сван толкнул дверь в личный кабинет, бог его знает. Пробовать настоящую баранину, да ещё жареную на живом огне, ни разу в жизни не приходилось. И не придётся, Сван вновь присел за рабочий стол. В Яме открытый огонь под запретом.

Пусть Итин Бишак во всём сознался, однако бюрократия требует положенную жертву в трёх экземплярах: нужно написать протоколы допроса подозреваемого, свидетелей, подшить справки из криминалистической лаборатории и вообще оформить уголовное дело по всем правилам. Иначе судья Хуран, старый хрен с Мирема, обязательно придерётся к лишней запятой и завернёт дело. С него станется. Бумажную работу можно не любить, даже ненавидеть, однако делать её один хрен надо. В пару кликов Сван вывел на электронный рабочий стол файл с уголовным делом.

Черновик финального признания почти готов. Сван выпрямился в кресле, позвонки смачно хрустнули. Осталось более внятно без блатных словечек описать мотив преступления. Не «поставил на счётчик», а «ввёл ежедневный процент с суммы долга»; не «замочил», а «убил», ну и так далее.

Тихо пропиликал зуммер вызова, Сван скосил глаза. На электронном рабочем столе мигает иконка видеозвонка. Ого! Сам Медан Райден, начальник полиции Лараны 5, снизошёл до личного звонка простому смертному.

Как и всех высших чиновников Ямы Медана Райдена прислали с Мирема. Точнее, сослали. Добровольно в Яму никто не прилетает. Бывший карьерист, который когда-то не брезговал идти по головам конкурентов и подчинённых, а ныне отъявленный пофигист. Витус Райден тихо мотает срок. На работу в Управление приходит вовремя и даже трезвым, однако в текущие дела не вникает вовсе, предпочитает смотреть телевизор и читать журналы весьма фривольного содержания. Доклады, отчёты и прочие документы подписывает не глядя. Как-то раз подписал приказ о собственной отставке и последующей кастрации (подчинённые прикололись). По факту обязанности начальника полиции Лараны 5 исполняет его заместитель витус Геврар, коренной житель Ямы. Тем более удивительно.

Ладно, Сван провёл пальцем по иконке вызова, каким бы пофигистом не был бы витус Райден, однако игнорировать высокое начальство не стоит. На рабочем столе тут же развернулось окно видеосвязи.

Во дела!?! Сван тихо прочистил горло. Не хватало ещё раскрыть рот от удивления. Витус Райден жутко взволнован, щёки красные, глаза испуганными кошками скачут туда-сюда, впалые щёчки впали ещё глубже, а глаза наоборот вылупились. Кажется, будто начальник полиции спёр гуся и теперь в ужасе от содеянного уносит ноги от взбешённого фермера с дробовиком.

– Доброе утро, витус Сван, – начальник полиции хрипит как простуженный. – Если вам не сложно, зайдите ко мне в кабинет. Хотя нет, – витус Райден стрельнул глазами за край экрана, – бросайте все дела. Я жду. Срочно.

В кое-то веки шишка аж с самой метрополии обратилась к чистокровному аборигену на «витус»? Сван рассеянно захлопал ресницами. На влюблённого пьяного витуса Райден не похож. К тому же с утра не поленился побриться. Впрочем, молчать не вежливо.

– Хорошо, витус, сейчас буду, – Сван машинально кивнул.

– Срочно. Жду, – скороговоркой повторил витус Райден.

Экран видеосвязи погас.

Ну дела! Сван тупо уставился на красную надпись «Сеанс связи окончен». Или начальник полиции перешёл с дешёвого самогона на «колёса»? Впрочем, какая разница. Сван ткнул пальцем в верхний правый угол столешницы, рабочий стол тут же отключился. Даже если витус Райден и в самом деле от тоски и скуки подсел на амфетамины и поёт караоке без музыки, то это проблема витуса Рюпона, губернатора Ямы.

Негоже предстать перед глазами высокого начальства в синей робе. Сван распахнул высокий прямоугольный шкафчик в углу кабинета. На задней стенке на широких стальных плечиках висит чёрный мундир полицейского. Одеть, что ли? Сван в глубокой задумчивости потянул на себя чёрный рукав. Начальство, всё таки. Новенький ни разу не ношенный мундир полицейского со звёздами лейтенанта на плечах висит в шкафу не первый десяток лет. Обойдётся, Сван захлопнул шкафчик. С витуса Райдена вполне хватит и чистой робы. Только сегодня утром надел.

Одна только приёмная начальника полиции больше кабинета главного следователя раза так в полтора. Да и обстановка не в пример богаче. Один только стол, за которым сидит милотвидная секретарша, из натурального дерева стоит кучу денег. Ну конечно, Сван аккуратно закрыл за собой дверь, аборигены должны падать ниц перед шишкой с Мирема. Даже подлокотники длинного дивана для посетителей сделаны то ли из берёзы, то ли из бамбука.

Самое главное украшение приёмной растёт в большой железной кадке на лево от входа в кабинет начальника полиции. То ли пальма, то ли ель. В общем, какая-то хрень с шершавым стволом и длинными узкими листьями. На Ларане 5 живых лесов отродясь не было. Под куполами жилых посёлков до сих пор нет ни одного парка. Максимум, что можно найти в кабинетах и жилых комнатах, цветы в горшочках под яркими лампами.

– Добрый день, уважаемый, – секретарша угора Гимрад хитро улыбнулась. – Витус Райден велел немедленно пропустить вас, как только вы появитесь.

На секретарше воздушное голубое платье с глубоким декольте. В ложбинке между грудями сверкает золотой кулон с красным камнем. Чёрные волосы пышной волной спускаются на плечи. Да-а-а... Сван про себя усмехнулся, в столь вызывающем наряде угора Гимрад вряд ли рискнёт показаться на улицах Алинграда.

Глаза секретарши сверкают от нетерпения. Не иначе угора Гимрад ждёт и надеется, когда Сван остановится возле её стола и начнёт допытываться, с чего это такая срочность. Секретарша начальника полиции ещё та сплетница, достойная ученица привратника Чвирина. Конечно, для проформы она немного поломаётся, а потом томным грудным голосом обязательно поведает, с чего это такая срочность. Но только не в этот раз.

– Благодарю вас, уважаемая, – Сван прошёл мимо, в спину ткнул тяжкий вздох разочарования.

С виду кабинет начальника полиции кажется меньше приёмной. Обилие дорогой мебели скрадывает квадратные метры. Широкий диван, чайный столик с креслами, высокий буфет, стулья и длинный стол для совещаний оставляют мало свободного места. За письменным столом то ли из дуба, то ли из яблони восседает сам витус Райден, аккуратный вежливый человек с добродушным личиком и приветливой улыбкой голодной анаконды. Чёрный китель полицейского тщательно вылизан и приглажен. Ну впрямь будто только что снят с манекена в магазине. Три толстые звезды на каждом погоне сияют словно настоящие звёзды на небосклоне.

– Добрый день, – Сван вежливо склонил голову.

– Да, да, добрый. Прошу вас, проходите, – витус Райден показал на свободный стул возле стола.

Даже не верится, что перед тобой отъявленный карьерист, который всё же умудрился переломать ноги на скользких ступеньках Министерства колоний. Лет восемь тому назад витус Райден добился очередного повышения и... перевода на новое место службы в Яму. Это ладно,

Сван опустился на большой стул с толстым мягким сиденьем. Гораздо больше начальника полиции интересен другой посетитель кабинета по ту сторону длинного стола для совещаний. Не иначе это и есть то самое непростое «мяу», что привезла «кошка», разведчик ВКС «Ягуар».

Приезжий только что разбужен (поднят из ледяного анабиоза). Незнакомец напряжён и тяжело дышит, как будто ему на спину привязала мешок с цементом. Тщательно выбритое лицо красное, глаза выпучены, как у пьяного в хлам зека. Впрочем, так оно и есть: гравитация Лараны 5 на десять и одну десятую процента выше стандартной.

Сван покосился на плечи незнакомца. Ого! Целый майор ВКС Федерации. Парадный светло-серый китель с металлическим отливом, застёжка-молния затянута до самого горла. Брюки со стрелочками. Как и у всех флотских майор обладает фигурой атлета, на шее и запястьях выступают накаченные мышцы. Впрочем, рельефная мускулатура не личное достижение майора, а дань необходимости. Тем, кто проводит много времени в невесомости, жизненно важно регулярно качать мышцу на тренажёрах и изнурять себя на беговой дорожке.

Самое интересное в облике флотского – нашивка на правом рукаве. Под эмблемой ВКС Федерации зияет пустое место. Нет ничего. Майор не приписан ни к одному космическому кораблю. Значит он офицер центрального штаба либо Министерства обороны.

– Разрешите представить, – голос витуса Райдена трясётся от волнения, – это наш лучший уголовный следователь Янпан Осьятич Сван. А это, – начальник полиции перевёл взгляд на флотского, – майор Инсай Дунич Шпин, спецпредставитель правительства Федерации Мирема.

Витус Райден поперхнулся, слово «спецпредставитель» едва не встало ему поперёк горла. Это какую же крутую ксиву майор ткнул под нос начальнику полиции? Впрочем, Сван глянул на спецпредставителя, какая разница. Майор в ответ уставился цепкими оценивающими глазами. Не иначе и этот жаждет узнать, как чистокровный абориген отреагирует на представление. А никак.

– Скажите, уважаемый, – тихим вкрадчивым голосом профессионального мошенника на доверии произнёс майор Шпин, – как вы объясните это.

Первой же фразой спецпредставитель ясно дал понять, кто в кабинете начальника полиции самый главный. Майор забыл спросить у полковника Райдена разрешение обратиться к лейтенанту. Да ещё нагло ткнул пальцем в электронный стол хозяина кабинета. На стене за рабочим столом начальника полиции тут же зажёгся широкий экран.

Сван повернул голову. На экране появился его собственный кабинет и подозреваемый Итин Бишак в стальном кресле для допросов. Грязно-зелёный крокодил быстро и ритмично опускается на голову, плечи и живот бывшего чернорабочего карьера. При очередном ударе из носа и ушей Бишака вылетели брызги крови.

Проклятье! Сван инстинктивно сжал зубы. О видеокамере в кабинете над столом регулярно предупреждает утус Чвирин, привратник Управления. Да и Фомка время от времени тычет пальцем в сторону маленького чёрного пятнышка на стене и поминает высокое начальство всуе. Ты только посмотри, и в самом деле работает. Только гораздо интересней допроса с пристрастием вид начальника полиции. От такого непотребства, грубейшего нарушения прав человека, витус Райден побледнел, словно снег в морозильнике. Глаза красные, губы мелко, мелко трясутся. Не иначе, больше всего хозяину кабинета хочется стечь под стол и свернуться калачиком.

– Ну так что? – в голосе майора Шпина сквозит нетерпение.

– Ну-у-у... – Сван рассеянно поднял глаза, – резиновая дубинка, конечно, сподручней. Только крокодил, бывшая игрушка моей дочери, эмоциональней, что ли. К дубинкам зеки у себя в рудниках привыкли, а тут мой крокодил с красным язычком и бурыми пятнами. Вы ещё моего «Электрического исповедника» не видели, – Сван невольно усмехнулся. – А что?

Или мне по сценарию полагается описаться от страха и торжественно пообещать больше так не делать?

Отчего начальник полиции так страстно желает превратиться в лужу талой воды у себя под столом догадаться не сложно. На Миреме даже у самых отпетых уголовников есть так называемые права. За один только щелчок по носу подозреваемого следователь может запросто получить выговор с занесением в грудную клетку. А за откровенное рукоприкладство недолго оказаться в тюремной камере в красной робе заключённого с унижительным штрих-кодом на спине. Вот и трясётся от страха витус Райден. Очень ему не хочется сменить комфортабельный кабинет начальника полиции на барак бесправного шахтёра пожизненно.

– Майор, – с вызовом произнёс Сван. – Это Яма. Легионеров (обобщённое название борцов за права человека) здесь отродясь не было. И не будет! Этот сброд иначе не понимает. Терять им нечего. Они уже в Яме, в аду. А я здесь самый страшный чёрт.

Подобное объяснение находится далеко за гранью служебного соответствия занимаемой должности. Как бы не был далёк Мирем, однако законы и правила метрополии распространяются на всю Федерацию без исключения. Однако, на удивление, наглое, на грани оскорбления, объяснение только обрадовало майора Шпина. Широкая улыбка тронула губы спецпредставителя, а ладошки самодовольно потёрлись друг о друга.

– Уважаемый, э-э-э, – майор Шпин задумчиво щёлкнул пальцами, – витус Райден, пожалуйста, оставьте нас наедине.

Флотский очень вежливо попросил начальника полиции убраться из собственного кабинета к чёртовой матери. Витус Райден тут же сменил окраску и покраснел как рак, которого забыли в кипящей воде, страх за собственную шкуру в одно мгновение сменился на злость от такой тонкой фамильярности. Однако начальник полиции покорно вылез из-за стола и неторопливо убрался из собственного кабинета.

Сван усмехнулся. Приятно, когда твоего начальника изыскано унижает ещё более высокий начальник. Витус Райден до сих пор официально прописан на Миреме, не исключено, что по окончании контракта он вернётся домой на метрополию. Однако спецпредставитель всё равно считает его аборигеном со всеми вытекающими.

– Естественно, уважаемый, – тут же заговорил майор Шпин, едва начальник полиции закрыл за собой дверь, – я прилетел сюда не для того, чтобы уличить вас в рукоприкладстве. Подобные мелочи правительство не интересуют. Наоборот! – спецпредставитель расцвёл, как роза в горшочке. – Я очень, очень обрадован, даже восхищён вашей работой. Без каких-либо спецсредств, с помощью всего лишь старой игрушки, вы раскрыли уголовное преступление менее чем за полчаса. У вас большой, очень большой талант, уважаемый. Не говоря уже о профессионализме.

А это уже хуже, Сван нахмурился. Восхищённая тирада флотского очень и очень не понравилась. Примерно такие же слова мясник нежно шепчет на ушко упитанному бычку, когда ведёт его на убой.

– Утус Сван, – майор Шпин напряжённо улыбнулся, – не желаете ли переехать на Мирем на постоянное место жительства?

– Простите? – Сван тупо уставился на майора.

– Предложение распространяется не только на вас лично, а так же на вашу семью, – торопливо продолжил майор Шпин. – Причём за вашими детьми сохраняется право на воспроизводство согласно законодательству Мирема.

– Э-э-э... – единственное, что смог выжать из себя Сван.

Если бы прямо здесь и сейчас майор Шпин вытащил бы из ящика стола голову витуса Рюпона, губернатора Лараны 5, а следом ещё и голову витуса Хурана, главного судьи колонии, то подобное представление было бы куда менее удивительным и куда более логичным.

Большая часть жителей Ямы воспринимают её как филиал ада: жизнь под куполом, синтетическая еда, рециркуляционный воздух с привкусом металла и никаких надежд на будущее кроме тяжкого труда и блаженной смерти от цирроза печени. В жизни эмигрантов третьей категории ничегошеньки не меняется даже когда они формально отмотают свой срок, ибо путь обратно на Акатуну им заказан. Для полного сходства с преисподней не хватает только котлов с кипящей серой. Причём жар в многочисленных рудниках и шахтах, а так же черти в форме полицейских, уже есть. Не удивительно, что для сосланных в Яму прекрасная Акатуна кажется навсегда утерянным раем. Ведь там можно жить под открытым небом, дышать свежим живым воздухом, купаться в морях и океанах, ходить по зелёной травке босиком и жарить шашлыки на открытом огне в саду перед уютным домиком с большими окнами.

Сван родился и вырос в Яме. Ни бездонного неба над головой, ни зелёной травки под босыми ногами он никогда не ведал, а потому ничего не терял. Жизнь на Ларане 5 он воспринимает такой, какая она есть. Глупо грустить и вздыхать по тому, чего у тебя никогда не было и не будет. В Яме навсегда застревают не только эмигранты третьей категории, но и присланные с Мирема чиновники.

А тут такое дело! Сван захлопнул рот, зубы с щелчком стукнулись друг о друга. По сравнению с прекрасной Акатуной Мирем подобен раю в раю. А о том, чтобы однажды, когда-нибудь, в некоем неопределённом будущем, переехать на постоянное место жительства на благодатную метрополию и мыслей никогда не было. Никогда, даже в самом пьяном угаре, в самой больной горячке. А тут, понимаешь, такое предложение! Да ещё с обоими жёнами и детьми! Да ещё с перспективной обзавестись внуками и правнуками!

Голова кругом, Сван машинально потёр челюсть. Кабинет начальника полиции покрылся рябью нереальности. Майор ВКС превратился в фантом из пьяных кошмаров с длинными ушами и грязными руками. Ну точняк накачался по самые уши самым палёным самогоном без закуси. Такого не бывает. Вообще никогда и ни с кем не бывает. Или... Сван пристально, прищулив глаза, уставился на майора Шпина.

– Если это шутка, то очень глупая и совсем, совсем не смешная, – заметил Сван.

– Нет, нет, что вы? Смею вас заверить со всей серьёзностью: – торопливо залопотал майор Шпин, – я действительно уполномочен предложить вам переселиться на постоянное место жительства на Мирем со всей семьёй и правом на воспроизводства для ваших детей.

– Допустим, – Сван качнул головой. – Переехать на Мирем, да ещё с семьёй, да ещё в перспективе стать дедушкой и прадедушкой – очень, очень заманчивое предложение. Только столь щедрый дар придётся отработать. Кого нужно убить? – в лоб бросил Сван. – Ещё могу расчленив и съесть.

Шутка юмора, пусть даже чёрного, творит чудеса. Сван невольно рассмеялся. Предложение залётного спецпредставителя не может быть серьёзным, как бы майор Шпин не уверял в обратном.

– Нет, нет, что вы, – майор Шпин вежливо улыбнулся в ответ, – расчленять и кушать никого не нужно. Более того: я предлагаю вам работу по вашей основной специальности. То есть уголовным следователем, разоблачать и ловить преступников.

Из чёрного портфеля с сенсорным замком майор Шпин выудил стопку бумаг. Как и четыре сотни лет назад наиболее важные документы принято составлять на бумаге.

– Всё, что от вас требуется, – майор Шпин аккуратно положил перед Сваном стопку бумаг, – подписать вот этот контракт. И тогда мечта станет явью: свой собственный домик у моря и шашлыки на открытом огне. Ведь вы очень любите шашлыки? Правда?

Майор Шпин протянул чёрную пластиковую ручку с красным колпачком. На лице спецпредставителя яркими красками нарисована угодливая мина и страстное желание услужить дорогому гостю. Однако Сван каменным изваянием так и остался сидеть на стуле перед столом начальника полиции. Кажется, будто руки намертво приросли к полированной столешнице.

– Ну что вы медлите? – пластиковая ручка с красным колпачком нервно задрожала в руке майора Шпина. – Контракт стандартный.

В голове словно щёлкнул переключатель, Сван перевёл дух. Фраза «контракт стандартный» подразумевает, что бояться совершенно нечего, что подобные контракты подписала уйма народу и никто не жаловался. Только, только... Спецпредставитель ведёт себя как дешёвый жулик, который предлагает вложить кровные под очень хороший процент в очень надёжное дело. Сван демонстративно завёл руки за спину, пальцы сами собой сцепились в замок. С кем, с кем, а с ним столь примитивная манипуляция не прокатит. Да, постоянное место жительства на Миреме, право на воспроизводство для детей, шашлык, домик и всё такое очень сладкая морковка, однако это не значит, что нужно плясать от радости и подписывать толстый договор не глядя.

– Подписать всегда успеем, – Сван отодвинул стопку бумаг подальше от себя.

На миг на лице майора Шпина мелькнула гримаса недовольства. Но только на миг. Спецпредставитель моментально взял себя в руки. Чёрная пластиковая ручка с красным колпачком почти мягко опустилась на стопку бумаг.

– Для начала на нормальном человеческом языке объясните мне, что за работа меня ждёт, где и на какой срок, – потребовал Сван. – Я, как вы сами только что видели, не цветочки выращиваю.

Театр абсурда на выезде. Ощущение нереальности до сих пор рябит перед глазами. Великий Создатель ведаёт, какие у них там на Миреме представления о юморе. Вот если бы майор Шпин предложил занять пост губернатора Ямы, переехать в апартаменты витуса Рюпона, да ещё с десятков юных красавиц в гарем, то ещё можно было бы подписаться не глядя. А так... Переборщил спецпредставитель с морковкой и сахаром. Переборщил.

Вполне законное и логичное требование рассказать о работе в двух словах очень не понравилось майору Шпину. Гримаса недовольства вновь появилась на лице спецпредставителя, только на этот раз задержалась несколько дольше.

– Вы-ы-ы... что-нибудь слышали о бунте на Свалке? – нехотя, словно рассказывая ревнивой жене о похождениях налево, начал майор Шпин.

– Краем уха, – ответил Сван. – В новостях что-то мелькало. Сами понимаете, это не та тема, на которую власти будут распространяться. А что? – Сван тут же изобразил на лице самое искреннее удивление. – Разве Первый ударный ещё не поставил аборигенов Свалки раком? Для подобной воспитательной работы обычно хватает роты космических пехотинцев. Ну так нас официально пытаются убедить.

Майор Шпин с трудом удерживает себя в руках. Недовольство вкупе с раздражением всё чаще и чаще мелькает на его лице. Ещё только зубы не скрипят от злости и бессилия.

– Не-е-ет. Не поставили, – наконец-то признался майор Шпин. – Даже хуже: Первый ударный флот, во избежания бессмысленных и невозполнимых потерь и разрушений, был вынужден покинуть орбиту Дайзен 2. Бунт до сих пор не подавлен. Но! – майор Шпин резко поднял, словно ткнул в потолок, указательный палец. – Федеральное правительство принимает все меры для подготовки последней и самой решительной операции по наведению конституционного порядка на Дайзен 2.

Сам того не желая, против собственной воли, спецпредставитель федерального правительства сказал более чем достаточно.

– А-а-а... – Сван мелко, мелко закивал. – Понятно. Дальше можете не объяснять. Космические пехотинцы, сиречь армия, так и не смогли объяснить аборигенам Свалки, что писать в песочнице нехорошо. Для этого нужна полиция. Но, вот беда: в полиции Мирема работают одни хлюпки, которые без спецсредств и угроз сослать в Яму даже не смогут выяснить у подозреваемого сколько времени.

Вот почему федеральному правительству потребовался я, – Сван ткнул себя пальцем в грудь. – Я, который без спецсредств, с помощью одного лишь крокодила, могу выбить у подозреваемого признание. Теперь понятно, почему вы обрадованы, даже восхищены, моей работой и профессионализмом. Я прав?

На щеках майора Шпина выступили красные пятна, а глаза собрались в две узкие щелочки.

– Да, – прохрипел, едва не прорычал, спецпредставитель.

Неуместный хохот рвётся наружу, Сван натужно прокашлялся. Не стоит без надобности злить этого спецпредставителя. Ну надо же! Разыграл целое представление, да ещё так реалистично.

– Что ещё вы очень не хотели мне говорить? – Сван ткнул пальцем в стопку договора. – Давайте, майор, колитесь. Чистосердечное признание, знаете ли, облегчает...

Слово «вину» едва не сорвалось с кончика языка, Сван захлопнул рот. Впрочем, майор Шпин больше и не думает отпираться. Раз поймали на горячем, то поздно хлопать удивлёнными глазками и корчить из себя невинность.

– Чёрт с вами, – майор Шпин шлёпнул ладонью по столу. – Вам предстоит работать следователем СБ, службы безопасности. Ваша главная задача – выявление и подавление партизанского подполья.

– С чем так и не смогли справиться brave космические пехотинцы, – как бы невзначай уточнил Сван.

– Да, – майор Шпин недовольно поморщился. – Контракт действует с момента подписания. Прописку на Миреме и всё прочее вы получите только после полного и окончательно подавления бунта на Дайзен 2. Это действительно всё.

Пусть нехотя, через силу, скрепя зубами, спецпредставитель раскрыть суть контракта. Ей богу! Будто выдал очень важную государственную тайну. Сван про себя усмехнулся: старого воробья на мякине не проведёшь. Только, только...

Только предложение майора Шпина переселиться на Мирем, да ещё со всеми плюшками, всё равно кажется полным бредом. Или, Сван нервно сглотнул, спецпредставитель не шутит? Ведь не будет же витус Райден, начальник полиции между прочим, убираться из собственного кабинета по первому же щелчку пальцами залётного фраера с Мирема лишь ради прикола над аборигеном?

Голова кругом! Может... Страшно подумать. Может и в самом деле существует таки возможность прожить остаток жизни в раю?

– Я рассказал вам всё без утайки, – объявил майор Шпин. – А теперь подписывайте контракт. Незаменимых не бывает.

Майор Шпин излишне резко толкнул стопку бумаг ближе к Свану. Чёрная ручка по инерции осталась на месте и соскочила на столешницу.

Сван тряхнул головой. Окружающий мир перед глазами нехотя перестал мерцать красками нереальности.

– Н-н-неет, – с трудом выдавил из себя Сван.

– Что значит нет? – майор Шпин тут же нахмурился.

От былой напускной благорасположенности спецпредставителя не осталось ни следа. Майор Шпин окончательно превратился в строгого офицера военно-космического флота, который воспитывает салагу и объясняет ему тонкости флотской жизни.

– Мне надо подумать, – Сван снова сдвинул стопку договора подальше от себя.

Майор Шпин недовольно фыркнул. На его лице гнев на мигновение сменил маску сердитого недовольства.

– Часа хватит?

– Нет, уважаемый, – ответил Сван.

Былая растерянность и неуверенность наконец отпустили. Зато с каждым словом в груди растёт и зреет уверенность в собственной правоте. Хотя не просто, ох как не просто, с ходу отказаться от путёвки в рай вместе со всей семьёй. Однако... получилось!

– Такие дела, – Сван хлопнул ладонью по стопке договора, – с понтальки не делаются. Нужно подумать, с жёнами посоветоваться, с детьми. Это, ведь, их тоже касается. Так что, уважаемый, ПРОДОЛЖИМ, – Сван особо выделил слово «продолжим», – завтра утром. Хотя нет! Продолжил завтра после обеда.

Несусветная наглость вышла за пределы понимания спецпредставителя, майор Шпин от удивления выпучил глаза. Не иначе в его представлении абориген, житель богом забытой дыры, должен с песнями и плясками подписать путёвку в рай. И уж чего точно абориген не должен был делать, так это ставить условия и качать права. Сван медленно поднялся на ноги.

– Я не могу ждать так долго, – майор Шпин с трудом справился с оцепенением. – У меня масса дел.

– Можете и будете, – с напускным равнодушием заметил Сван. – Иначе федеральное правительство не стало бы в пожарном порядке гнать в Яму боевой разведчик «Ягуар».

Майор Шпин недовольно засопел. Холёные ручки штабного офицера сжались в кулаки, на плечах под светло-серым кителем вздулись накаченные мышцы. Полезет в драку или нет? На всякий случай Сван задвинул стул под столешницу. В тишине ножки стула особенно противно скрипнули по пластиковому полу.

Не полез.

– Хорошо. До завтра, – сухо бросил майор Шпин.

– Да, – Сван быстро подхватил со стола стопку бумаг с договором. – И это я возьму с собой. Почитаю на досуге.

– Да как вы посмели!? – кулаки майора Шпина упёрлись в столешницу.

Спецпредставитель похож на котёл под большим давлением, у которого заклинило аварийный клапан. Того и гляди рванёт.

– Имею право, – тут же оборвал Сван. – Досуга у меня сегодня будет много. Всего вам хорошего.

Вместо пожелания доброго здоровья в спину ударили рычание и недовольное сопение. Сван как ни в чём не бывало вышел из кабинета начальника полиции и аккуратно, без стука и скрипа, закрыл за собой дверь. Пусть рычит. Главное, чтобы не кусался.

– Ну?! Как дела? – в приёмной Фомка, помощник Цлаг Габаун, тут же соскочил с диванчика для посетителей.

– Отвали, – Сван грубо оттолкнул помощника в сторону.

Последнее, что Сван успел заметить в приёмной начальника Управления полиции Лараны 5, удивлённые широко распахнутые глаза угоры Гимрад. Ничего подобного ранее секретарше начальника видеть не доводилось.

Глава 5. Путёвка в рай в раю

Возбуждение, нетерпение и страх несколько отпустили, когда в собственном кабинете Сван бухнулся на стул перед письменным столом. Знакомая обстановка, особенно привычный вид стального кресла для допросов, помогли справиться с волнением.

Сван бросил договор на столешницу, белые листы разъехались кривым веером. Пусть он никогда ни в грош не ставил ни витуса Райдена, начальника полиции, ни витуса Рюпона, губернатора колонии, однако всё же предпочитал вести себя с наделёнными властью чиновниками культурно и обходительно. Или обходить их стороной за три квартала. Между прочим, самый лучший вариант. А тут такое! Да ещё с кем!

Это надо же, Сван невольно усмехнулся, без матюгов и уничтожительных эпитетов морально окунуть спецпредставителя головой в нечищеную парашу в камере. Видать, у майора Шпина очень крутая ксива, раз полковник Райден скачет перед ним на задних лапках словно собачка дрессированная и гавкает по первому же щелчку пальцами.

Сван тупо уставился на грудку листов на столе. А! Ну да, договор. Необходимость посоветоваться с жёнами и детьми не более, чем уловка. Будет так, как он решит. Никто и пикнуть не посмеет. Другое дело, что столь важное решение ни в коем случае нельзя принимать в дикой спешке.

«Часа хватит?» – пришёл на ум вопрос майора Шпина, Сван мысленно улыбнулся. В душе разыграла природная осторожность и страх перед возможным подвохом. Хотя почему возможным? Не зря же майор Шпин вёл себя как дешёвый мошенник или тупой коммивояжёр. С такими «талантами» спецпредставителю проблематично продать голому пару трусов.

Не-е-ет! Сван сдвинул листы договора в стопку. Сначала нужно как следует подумать, а потом соглашаться или нет. Или, ещё лучше, сначала напиться, проспаться, протрезветь, ещё раз подумать и лишь после принимать окончательное решение.

От манипуляций с бумагами ожил электронный рабочий стол. Сван скосил взгляд на левый нижний угол широкого экрана. До конца рабочего дня больше двух часов. Ну их всех к чёрту! Костяшка среднего пальца с разгону врезалась в иконку «Выключить». Начальству сейчас не до него. Начальник полиции Ямы сейчас танцует польку-бабочку вокруг спецпредставителя с Мирема, а губернатор накрывает стол и разогревает сауну.

По дороге домой Сван забежал в лавку утуса Несмана. Карманы синей робы приятно оттянули три пол-литровые бутылки «Титана», самой дорогой и качественной водки, которую только можно достать в Яме.

Сканер дверного замка тихо пискнул, когда Сван ткнул в него большим пальцем правой руки.

– Папа? – в коридоре возле большого зеркала с помадой в правой руке застыла Жукрана, старшая дочь.

– Жукрана, – Сван торопливо захлопнул входную дверь, – сегодня вечером ты смотришь за младшими.

В ответ старшая дочь молча кивнула. В собственном доме Сван хозяин. Домашние никогда не спрашивают зачем и почему, а молча выполняют его распоряжения.

– Где мамы? – Сван спихнул с левой ноги ботинок.

Жукрана так и не успела ничего ответить. Готара и Ланта сами вышли в коридор из гостиной. Жён привлёк шум в коридоре. Обычно Сван возвращается точно в 19 часов вечера, либо задерживается на работе допоздна, и никогда раньше аж на два часа.

– Отлично! – Сван торопливо чмокнул обоих жён в щёчку. – За мной на кухню.

Бутылки с водкой Сван выставил на кухонный стол прямо поверх бумаг договора и тут же запер дверь. Готара без лишних напоминаний достала из холодильника тарелку с куском говядины и банку с солёными огурцами. Ланта поставила на стол две рюмки и гранёный стакан.

До позднего вечера Сван обсуждал с обоими жёнами договор и переезд на Мирем. Как и следовало ожидать, ни Готара, ни Ланта сперва не поверили в такое счастье. Однако деловые бумаги быстро убедили их в серьёзности предложения майора Шпина. Водки не хватило. Жукране, четырнадцатилетней дочери, пришлось сбегать в лавку утуса Несмана за ещё парой бутылок «Титана».

На следующий день Сван проснулся поздно утром прямо на полу под кухонным столом. Под головой мягкая диванная подушка, тёплое одеяло укрыло его до самого подбородка. Это надо же было так налакаться, Сван сел прямо. Холодные липкие руки обхватили гудящую голову. При всём желании супруги не смогли бы перетащить его хотя бы на диван в гостиную, не говоря уже о большой супружеской постели в спальне. Зато сняли ботинки, вытащили из брюк ремень и расстегнули ворот рубашки. Сван поднял глаза. На кухонном столе под большим пластиковым куполом его уже ждёт большая тарелка жирных щей. Рядом, в глиняном горшке с широким горлышком, из-под гладких кубиков льда выглядывает пивная бутылка.

Во! Гармония, семейная. Сван с криком поднялся на ноги. Тёплое одеяло соскользнуло с плеч. Приятно, когда женщины знают, что в первую очередь требуется мужу на следующее утро после грандиозной пьянки.

Ровно в 10 часов Сван вновь оказался перед дверью в кабинет начальника полиции. Жирные щи, бутылка пива и контрастный душ помогли побороть похмелье. Чистая рубашка, трусы и носки прибавили солидности. От былой неуверенности, когда от предложения переехать на постоянное место жительства на Мирем окружающий мир мерцал цветами нереальности, не осталось ни следа. Взамен пришла твёрдая уверенность и решимость. Правда, Сван вежливо постучал в дверь костяшкой указательного пальца, немного ноет печень. Два литра водки за раз – это слишком. Не те годы.

Если вчера днём спецпредставитель правительства майор Шпин сидел за столом для совещаний, то сегодня он перебрался за сам рабочий стол начальника полиции и с увлечением тычет пальцами в его электронный рабочий стол. Самого витуса Райдена, вроде как хозяина кабинета, нигде не видно.

– А! Добрый день, уважаемый, – майор Шпин оторвал глаза от рабочего стола. – Ну как? Подписали контракт.

Майор ВКС Федерации выглядит гораздо лучше. Пропала былые одышка и краснота в глазах. По лицу совсем и не заметно, что Ларана 5 давит на его плечи повышенной гравитацией. Нужно признать: флотский очень быстро адаптируется к местным условиям.

– Добрый день, уважаемый, – со стопкой договора перед собой Сван подошёл к письменному столу. – Вчера вечером я внимательно ознакомился с условиями предлагаемого вами договора. Так же...

– Так подписали или нет?

Майор Шпин с трудом сдерживает раздражение и гнев. Видать, за прошедшую ночь он если и остыл после вчерашнего знакомства, то не намного.

– Может, для начала, предложите мне присесть? – Сван глазами показал на стул возле длинного стола для заседаний.

Спецпредставитель плотнее сжал губы и недовольно засопел. Наверняка парочка грязных ругательств настойчиво бьётся через его губы наружу.

– Садитесь, – майор Шпин показал рукой на стул.

– Благодарю.

Сван аккуратно положил договор на стол перед собой и ещё более аккуратно поправил стопку. На верхнем листе остались капли от водки и круглый след от дна тарелки с говядиной. Спецпредставитель смотрит на него словно рассерженный начальник на пьяного рабочего.

– Я принимаю ваше предложение, – произнёс Сван, майор Шпин молча кивнул. – Условия договора и предлагаемое вознаграждение меня более чем устраивают за одним единственным исключением.

– Какое именно условие вас не устраивает? – лицо спецпредставителя тут же окаменело.

– Вот это, – Сван пошевелил листы. – Согласно пункту 52 дробь 1 контракт считается выполненным только после полного и окончательного подавления бунта на Дайзен 2.

– Ну да. Я ещё вчера предупредил вас об этом.

– Так вот, – Сван вновь сдвинул листы в аккуратную стопку, – измените время действия контракта на пять лет с момента подписания и я целиком и полностью ваш.

Сван улыбнулся самой обворожительной улыбкой, с помощью которой обычно уламывает жён на секс прямо в городской сауне за тонкой перегородкой. Однако одно единственное уточнение моментально вывело майора Шпина из себя.

– Ты что?! Охренел?! – остатки деловой вежливости моментально слетели с лица майора.

– Ну зачем же так грубо, – миролюбиво произнёс Сван. – Федеральное правительство нуждается во мне гораздо больше, чем я в нём. Знаете ли, я родился и вырос в Яме. Что такое бездонная синева над головой и зелёная травка под ногами мне неизвестно. Уж поверьте: ничуть не расстроюсь, если не получу ни того, ни другого. Мне и здесь, мазёво.

– Да ты! Да ты!

Майор Шпин энергично вскочил на ноги. Кресло начальника полиции выскочило из-под его зада и с треском врезалось в стену. От гнева спецпредставитель едва не задохнулся. Щёки майора Шпина покраснели, а ноздри расширились. Сван неторопливо поднялся следом.

Майор Шпин большую часть сознательной жизни провёл в невесомости. Что он может сделать против местного жителя, который родился, вырос и до сих пор живёт на планете с повышенной гравитацией? Майор Шпин моментально прикинул шансы и... сел на место.

– Не думайте, уважаемый, раз у меня пудовые кулаки, – Сван демонстративно опёрся костяшками пальцев на столешницу, – значит мозгов у меня совсем нет. К вашему сведению я очень даже люблю читать научно-популярную литературу. Нужно хоть как-то компенсировать почти полное отсутствие школьного образования. Да и наше местное телевиденье, знаете ли, не блещет разнообразием каналов.

Борьба с подпольем, с партизанами, может затянуться на десятилетия. На языке военных теоретиков её так и называют – конфликт низкой интенсивности. К тому же нет и быть не может точного определения, когда бунт на Дайзен 2 будет полностью и окончательно подавлен. При желании выбитое мелким хулиганом окно в мэрии можно будет выдать за акт саботажа, за проявление борьбы недобитого подполья и отказать мне в окончании контракта. У меня, знаете ли, нет желания переселиться из тихой Ямы на бурную Свалку, менять добротное мыло на ржавое шило.

– Но-о-о... Пять стандартных лет, это слишком мало, – прошипел майор Шпин.

– А это как посмотреть, уважаемый.

Майор Шпин в драку так и не полез. Наоборот – быстро взял себя в руки и успокоился. Почти. Сван медленно присел обратно на стул.

– За эти пять лет я вынесу основную самую главную и самую тяжёлую борьбу с партизанским подпольем. А дальше аборигены прекрасно покончат с недобитками и без моей помощи.

Между тем спецпредставитель не только полностью успокоился, но даже немного повеселел. Теперь понятно, почему именно майору Шпину доверили столь ответственную и щекотливую миссию по набору персонала для будущей СБ.

– Чёрт побери! Утус Сван, – майор Шпин поднялся из-за стола и протянул правую руку, – мне приятно познакомиться с вами. Вы только что раскусили самую главную подлянку федерального правительства. Вашу руку, уважаемый!

Что это с ним? Сван поднялся следом. Рукопожатие майора крепкое и, чёрт побери, от души.

– До встречи с вами, – майор Шпин опустился обратно в кресло, – я считал аборигенов Ямы простаками, которых не составит большого труда обвести вокруг пальца. Ну как же! Такая морковка! Но вы только что, с блеском, доказали обратное. Зато теперь я верю, что вы действительно способны подавить партизанское подполье, а не тупо залить города Свалки кровью. Кроме пудовых кулаков и старого крокодила у вас и в самом деле есть мозги. Это радует.

От бывшего напряжения и гнева не осталось и следа. Раз подпахнуть на радостях под руку кабальный контракт не получилось, спецпредставитель тут же отбросил шулерские замашки в сторону и начал играть в открытую.

– Ваше условие более чем приемлемо, – продолжил майор Шпин, – только с одним небольшим уточнением: пять лет не с момента подписания контракта, а с момента высадки на Дайзен 2.

– А какая разница?

– Вы забыли о космических перелётах, уважаемый. Дорога с Лараны 5 на Мирем займёт девять месяцев, а с Мирема на Дайзен 2 ещё полгода. Плюс на самом Миреме вам предстоит провести около года для переподготовки. Итого, если «Ягуар» вылетит прямо сейчас, то на Свалке вы будете только через два с половиной года.

– А! Ну да, – Сван почесал затылок. – Космические полёты, согласен. Пусть будет пять лет с момента высадки на Свалку.

Время действия контракта растягивается на семь с половиной лет – ничего страшного. Полтора года космического перелёта в ледяном анабиозе пролетят как один миг. А пожить год на Миреме, благодатной метрополии, это даже интересно – отпуск в раю. Заодно можно будет узнать какой запах у натурального воздуха и вкус у живой воды.

– Контракт, так и быть, я перепишу, – майор Шпин хлопнул ладонью по стопке бумаг с договором. – Заодно помогите мне подобрать персонал для будущей службы безопасности. К сожалению, большую часть сотрудников мне придётся набрать на Акатуне. Но и здесь мне приказано забрать всех, кто только способен держать автомат в руках и не наделает в штаны при первых же выстрелах.

Сван в задумчивости уставился на широкий экран на стене над головой спецпредставителя.

– Помочь мне в ваших же интересах, – продолжил майор Шпин. – Именно эти сотрудники будут работать под вашим началом на Свалке.

– Ну-у-у... – неуверенно протянул Сван, – помощников для розыскного дела я себе найду. А как быть с партизанами? Война, военная подготовка, стрельба навскидку, знаете ли...

– Не беспокойтесь, – майор Шпин широко улыбнулся. – Непосредственно давить партизан будут космические пехотинцы при поддержке авиации и флота. Бойцы охранной дивизии будут нести патрульную службу, охранять входы, выходы, стеречь тюрьмы, проверять документы и так далее. Ваше дело розыск, подавление подполья и не более.

– А-а-а... Ну, это, совсем другое дело, – Сван радостно улыбнулся.

– В первую очередь помогите мне найти штатного палача, – лицо майора Шпина вновь стало серьёзным и сосредоточенным. – Без публичных казней никак не обойтись, не мне вам объяснять. Только ума не приложу, кому доверить столь щекотливое дело.

Спецпредставитель постучал указательным пальцем по столу. Сван глянул на электронный рабочий стол. Экран во всю столешницу заставлен личными делами работников полиции

Лараны 5, фотографии, биографии, отпечатки пальцев. Теперь понятно, чем занимается майор Шпин.

– Это не проблема, – Сван откинулся на спинку стула. – Есть у меня на примете один кадр, который с удовольствием займёт должность штатного палача. Вам даже не придётся переселять его на Мирем.

– Отлично, договорились, – облегчённо выдохнул майор Шпин. – Жду вас завтра после обеда со списком кандидатов. И помните: способные держать оружие и чтобы не обделались при первых же выстрелах.

На душе легко и свободно. Вот теперь можно и станцевать на радостях, Сван шлёпнул ладонями по коленям. До самого последнего момента страх держал за горло, вдруг спецпредставитель вместо изменения договора укажет пальцем на дверь? Качать права, требовать особых условий, это, чревато. Лишь только сегодня утром, когда холодное пиво растеклось приятным теплом по телу, разум окончательно поверил и в реальность происходящего, и в возможность переселиться на Мирем, в рай в раю.

– Я могу идти? – Сван глянул на спецпредставителя.

– Да, да, конечно. Хотят нет, скажите: почему на вас синяя роба рабочего? Почему вы не носите мундир полицейского? Стесняетесь?

Вопрос вполне закономерен, можно даже сказать традиционен. Все вновь присланные с Мирема чиновники рано или поздно спрашивают об этом.

– Вы, наверно, думаете, что я стыжусь и мундира полицейского, и своей работы в полиции? – прямо в лоб бросил Сван.

– Ну-у-у... – майор Шпин отвёл глаза.

– На самом деле всё гораздо проще, – Сван усмехнулся. – Это на Миреме чёрный мундир ассоциируется в сознании простых граждан с законом и порядком. Эдакий добрый и вежливый дядя на перекрёстке, который и хулигана урезонит, и старушку через дорогу переведёт.

Для всех без исключения эмигрантов третьей категории ссылка на Ларану 5 началась с более близкого знакомства с чёрными мундирами. Не удивительно, что все они воспринимают Яму как филиал ада, а полицейских как подручных дьявола. Обыватели шарахаются от нас как от прокажённых и в прямом смысле прячутся по углам.

Я не стыжусь своей работы в полиции, – Сван гордо выпрямился и расправил плечи. – Другое дело, что чёрный мундир реально мешает мне работать. Допрашиваемые жутко нервничают, а потенциальные свидетели в ужасе убегают. Вот почему я предпочитаю носить робу рабочего, чтобы не выделяться из толпы на улице.

На лице майора Шпина, коренного жителя Мирема, отразилось удивление вкупе с недоверием. Однако озвучивать собственные сомнения спецпредставитель не стал.

– Ладно, в чужой монастырь со своим уставом не входят, – примирительно произнёс майор Шпин. – Разрешите ещё вопрос: почему вы не обижаетесь, когда кто-то называет Ларану 5 Ямой?

– Э-э-э... Не понял? – протянул Сван.

– Ну-у-у... Видите ли, – майор Шпин замялся, – жители Дайзен 2 крайне не любят, когда кто-нибудь в их присутствии называет их планету Свалкой.

– А-а-а... Вот вы о чём, – Сван расслабленно рассмеялся. – За всех говорить не буду, но я лично не вижу в Яме ничего обидного. Как ни крути, сколько цветочков не рисуй на стенах, а Ларана 5 была, есть и будет выгребной ямой для Акатуны. Планету можно назвать хоть Фиалкой, хоть Незабудкой, только она не перестанет быть выгребной ямой.

На лице спецпредставителя отразилось озабоченность. Поверил он в объяснение или нет – бог его знает. В менталитете между жителями благодатной метрополии и окраинных миров пропасть. Как говорится, сытый голодного не поймёт.

– Если у вас нет больше вопросов, то я пойду, – Сван поднялся из-за стола.

– Да, да, конечно, – майор Шпин тряхнул головой, словно очнулся от сна. – Жду вас завтра со списком. И палача штатного не забудьте найти. Это очень важно.

В коридоре Управления Сван остановился и оглянулся на закрытую дверь начальника полиции. Душа поёт от радости – получилось! Прокатило! Жгучий интерес подогревает любопытство. Все, кого сослали в Яму с прекрасной Акатуны, часто и весьма эмоционально любят описывать радость от зелёной травки под ногами и бездонного неба над головой. Особенно, Сван криво усмехнулся, если в рассказчика влить хотя бы полстакана водки.

Оставленная без каких-либо надежд на возвращение родина – самая любимая и самая слезливая тема для разговоров в барах эмигрантов третьей категории. Даже женские прелести не пользуются и половиной такой популярности. Из-за нехватки этой самой травы и этого самого неба не выдерживают и спиваются многие присланные чиновники. Чего уж говорить о заключённых.

Наверно, что-то в этом есть, Сван вновь зашагал по коридору Управления полиции. Никогда не думал об этом. Не думал, пока не подвернулась возможность лично выяснить. А то чувство нереальности, абсурда происходящего, нет, нет, да и вынырнет из-за угла или вдруг наступит на пятки. Видимо, оно окончательно пройдёт лишь тогда, когда он лично, своими собственными ногами, пройдёт по зелёной траве благодатного Мирема.

Если на то пошло, то вернуться обратно в Яму не составит никакого труда. Федеральное правительство всеми правдами и неправдами поощряет эмиграцию особенно в дыры типа Ямы. Слетать с Лараны 5 даже в туристическую поездку на Мирем очень дорого и крайне проблематично из-за изощрённых бюрократических препонов. А вот переселиться с Мирема на Ларану 5 очень просто, достаточно написать одно заявление, даже справка от психиатра не потребуется. Федерация оплатит и перелёт и провоз багажа до ста килограмм на человека. Только, только, Сван криво улыбнулся, в Яме не найти ни одного эмигранта первой категории.

Если уж совсем честно, Сван спустился на лестничную площадку между этажами Управления, он всегда завидовал тем, кто родился за пределами Ямы, а выходцам с Мирема особенно. Глубоко запрятанное чувство собственной неполноценности приятно греет злорадство к тем, кто всё же оказался в Яме, в филиале ада по эту сторону реальности. Играть роль главного подручного дьявола гораздо приятней, чем вариться в жаре шахт и рудников.

Да! Сван резко остановился в вестибюле Управления полиции. У высоких входных дверей за железным столиком сидит Озар Чвирин. На лице самого главного сплетника яркими красками нарисована скука. Палач, штатный, Сван развернулся в другую сторону, чуть не забыл.

В подвале Управления оборудована небольшая тюрьма на пять камер. Первые четыре обычные обезьянники со стальными решётками, заплёванным полом и широкими лавками вдоль стен. В них обычно сажают буйных посетителей многочисленных баров. Очень часто по выходным дням свободных мест не бывает вовсе. Хотя при чём тут обезьяны? Эти милые пушистые животные с пышной гривой.

Другое дело пятая камера в конце коридора, маленькая одиночка. Сван остановился возле железной двери с массивным засовом. В отличие от прочих пятая камера оборудована «кормушкой», откидным люком, и глазком. С потолка рядом свисает грязный стальной крюк, а на двери под «кормушкой» отсвечивают многочисленные вмятины от ударов.

Железная дверь открылась с натужным скрипом. Внутри ярким белым светом горит лампочка. Вместо кровати или хотя бы скамейки на полу в левом углу символическое возвышение. Вместо унитаза дыра в правом углу. В воздухе висит мрачное амбре из мочи, застарелого пота и перегара.

На так называемом спальном месте с отрешённым видом валяется Итин Бишак, никудышный картёжник и горе преступник. От протяжного дверного скрипа он даже не шелох-

нулся. В глазах космическая пустота, нет даже слёз. Всё ещё новенькая спецовка покрыта разводами грязи и запёкшейся кровью. На лице и руках Бишака расцвели тёмно-синие синяки.

Хуже застарелого пота, мочи и перегара в камере воняет безнадёгой. Девять стандартных лет тому назад Итина Бишака уже осудили и сослали в Яму. Присуждать ему новый срок не имеет никакого смысла. Витусу Хурану хватит пяти минут, чтобы вынести Бишаку единственный возможный приговор – смертельная казнь. Незадачливого картёжника вздёрнут тут же на пороге камеры смертников ровно в полночь на том самом грязном крюке. И это ещё будет последняя милость. Наиболее опасных преступников вешают публично прямо на центральной площади Алинграда, столицы Ямы.

Знакомое состояние. Мысленно Бишак уже умер. Все без исключения эмоции перегорели в его душе до серого пепла. Осталась безразличная отрешённость. У Бишака нет и быть не может никаких надежд, никакое чудо его не спасёт. Хотя насчёт последнего он не прав.

Носком ботинка Сван поддел левую ступню Бишака – никакой реакции. Осуждённый даже не шелохнулся.

– Жить..., хочешь? – тихо, почти шёпотом, произнёс Сван.

Это надо видеть: два коротких слова подобны магическому заклинанию. В глазах Бишака тут же вспыхнул огонь. Осуждённый дёрнулся всем телом и приподнялся на локтях.

– Хочу! – шумно выдохнул Бишак.

– Для тебя есть грязная работёнка. Зато взамен ты будешь жить.

Бишак унижено подполз к ногам Свана.

– Согласен. Я на всё согласен, – прошептал Итин Бишак.

Словно жутко голодная, но всё равно преданная собачонка, Бишак глянул снизу вверх глазами полными слёз и надежды. Надежды на чудо, которое всё же произошло.

До чего же человек живучая зараза. Сван сдвинул на место массивный засов камеры смертников. Казалось бы: всё, аут, Бишаку крышка. Он даже смирился со смертью и потерял к окружающей действительности какой бы то ни было интерес. Однако! Два слова, всего два коротких слова тут же вернули Бишака к жизни. Ради своей жалкой, никчёмной, на хрен никому не нужной жизни он готов биться головой о стену, лакать из дырки в полу. Бишак даже не стал уточнять, какая именно грязная работёнка его ждёт.

Сван вышел из дверей Управления полиции на улицу. В разгар рабочего дня широкий туннель почти пуст. Лишь где-то вдалеке неторопливо покачивается из стороны в сторону фигура в облезлой серой робе. Из Итина Бишака получится отличный штатный палач. Иначе вместо приговорённого он сам закончит свою жизнь в петле. Никогда и никакого прощения ему не будет, всего лишь отсрочка приговора. Главное, не дать ему окончательно спиться раньше времени.

Глава 6. Домик мечты

Шашлыки – это не просто кусочки жаренного мяса на длинных стальных шампурах. Нет. Гораздо, гораздо лучше. Ни одна даже самая совершенная сковородка или электрическая духовка не в силах заметить яркий, горячий, живой огонь. Ну а если в процессе приготовления кусочки мяса постоянно обрызгивать виноградным вином, не суррогатом, не дешёвой химической имитацией, а живым перебродившим соком виноградных ягод, то вкус у шашлыков получается божественным. В прямом смысле можно проглотить язык.

Янпан Сван, бывший следователь полиции на Ларане 5, а ныне старший следователь СБ Дайзен 2, не готовит, не жарит, а колдует над шашлыками. Толстые квадратные кусочки маринованного мяса насажены на длинные шампура вперемежку с колечками лука и кружочками помидоров. Причём самых настоящих живых помидоров и луковиц, которые ещё вчера росли на грядке и в теплице. Да и мангал колдовству под стать. Не железный ящик с рядами дырок у дна, а длинная печь с поддувалом из красных кирпичей. Даже более того!

Над мангалом построен большой навес и просторная беседка. Квадратные столбы из того же красного кирпича поддерживают деревянную крышу с красной черепицей. Над мангалом висит большая чёрная вытяжка. Серый дым затягивает в широкую чёрную трубу.

В левой части мангала шалашиком горят настоящие хвойные поленья с янтарными капельками смолы и светло-коричневой корой. Время от времени длинной закопчённой кочергой Сван выгребает большие красные угли и равномерно разгребаёт их по всей длине мангала. Из маленького распылителя Сван щедро сбрызгивает вином подрумяненные куски мяса. Белые капли мелким, мелким дождиком падают на раскалённые угли. Воздух под навесом и беседкой наполнен обалденными запахами жаренного мяса, дыма и вина.

Настроение лучше не бывает. Сван принялся энергично махать над мангалом большим деревянным веером. Рядом, на соседней лужайке за углом небольшого уютного домика, радостно визжат дети. Из-за спины доносится звон посуды. Готара и Ланта накрывают большой деревянный стол. Здесь даже стулья делают из настоящего дерева! Сван широко улыбнулся. Счастье, никогда ранее не веданное счастье наполняет от пяток до самой макушки. Да и что может быть приятней, чем в погожий осенний денёк, в законный выходной, жарить самый настоящий шашлык на самом настоящем огне, когда рядом неспешно беседуют любимые женщины, а за углом дома на игровой лужайке с качелями и песочницей визжат от восторга и радости дети.

Кто бы мог подумать? Сказка, глупая фантазия, и в самом деле обернулась реальностью. Свана до самого последнего момента терзали сомнения и страхи. До самого последнего момента казалось, что это всё розыгрыш, злая шутка.

Сомнения терзали его, когда в анабиозном центре Ямы тюремные медики укладывали его в анабиозную капсулу. Хвала Великому Создателю, в ледяном сне человек превращается в бесчувственный груз. Иначе девять месяцев волнений и тревог, а именно столько длился перелёт с Лараны 5 на Мирем, свели бы его с ума.

В анабиозном центре Доирана, небольшого городка на Миреме, Сван окончательно сорвался. Первое, что он сделал едва очухался от ледяного сна – вышел, вырвался на улицу. Ему пытались помешать, уложить обратно в мягкую постель, накачать успокоительными. Медицинские сёстры с визгом разбежались по углам, когда лечила в белом халате получил в пятак и стёк на пол. Охранник на выходе тут же заткнулся и послушно согнулся в три погибели, когда получил коленкой под дых. Зато Сван прорвался таки на улицу, наружу, на свежий воздух. В тонком больничном халатике до пят, босиком, с биркой на левом запястье он так и застыл с распахнутым ртом на крыльце анабиозного центра.

Чудо. Чудо. Самое настоящее чудо! Вместо груды камней, пластика и металла над головой и в самом деле развернулось бездонное небо. Правда не синее, а серое. Точнее, затянутое серыми тучами. В тот волшебный день была зима. Самая настоящая зима, когда при каждом выдохе изо рта вылетает пар как в большом холодильнике. Из серых тучек на просторную, невероятно просторную землю падал лёгкий, лёгкий, почти невесомый снег. Маленький уютный городок, широкая лента реки и большой преобладающей сосновый лес на том берегу покрылись белым, белым и очень холодным покрывалом. По левую руку, над самым горизонтом, висел огромный красный и красочный диск великолепной Геполы.

А воздух... Какой упоительный воздух впервые в жизни он вдохнул. Нет! Испил в тот день. Не мёртвый и тепловатый со вкусом железа и пластика, а живой, прохладный, с нотками хвои воздух благодатной метрополии.

Сам того не желая, Сван устроил в анабиозном центре Доирана грандиозный переполох. Не прошло и минуты, как следом за ним на крыльцо высыпала толпа врачей, медсестёр и посетителей. Вперёд выскочило двое полицейских в чёрной форме с шокерами наперевес. Рядом с крыльцом с противным визгом затормозила полицейская машина с мигалками. Никого и ничего Сван не видел и не замечал. Он так и стоял на холодном крыльце в тонком больничном халатике босиком на мёрзлых плитках. Стоял и смотрел на огромный преогромный мир благодатной метрополии у своих ног.

Шокер охранника мягко ткнулся в шею. Санитары погрузили бесчувственного Свана на носилки и унесли обратно в тепло и уют анабиозного центра. Ещё бы пара минут босиком на морозе и Сван точно свалился бы на неделю с жестокой простудой. Но обошлось. В тот великий день сказка и мечта стали реальностью.

Одно плохо, Сван осторожно и ловко перевернул шампур, сказка и мечта скоро закончатся, начнутся суровые будни. Меньше чем через два месяца на Дайзен 2 уйдёт Флот специального назначения. Начнётся последняя и самая решительная операция по подавлению бунта на Свалке.

Пока до рокового 6 ноября было больше года, совсем, совсем не думал об отлёте, всю наслаждался жизнью на благодатной метрополии. Теперь с некоторых пор тяжёлые думы о неизбежной разлуке с семьёй всё чаще и чаще терзают душу. Что поделаешь: если бы Свалка не взбунтовалась, то Сван до сих пор жил бы вместе с семьёй в ужасных подземельях трижды проклятой Ямы. Какой же на самом деле отстой жаренное мясо в закусочной «Упитанный заяц». И как только много лет жрал и наслаждался той синтетической гадостью с кетчупом и гидропонным салатом. Бр-р-р. Рай нужно отработать.

– Папа! Папа!

Сван невольно дёрнулся, воспоминания о Яме развеялись, как дурной сон по утру. Сунир, самый младший пятилетний сын, дёргает за край тёплого свитера.

– Да, малыш? – Сван повернулся к сыну.

– Там! Дядя Инсай приехал! – на одном дыхании выпалил Сунир.

Чумазым пальчиком с обкусанным ногтем Сунир показал на угол дома, из-за которого вышел Инсай Шпин, спецпредставитель правительства Федерации, майор ВКС.

– Спасибо, малыш, – Сван опустил веер на маленький столик возле мангала. – Мы тут будем говорить о скучных делах, а ты пока беги, играй.

Сван легонько подтолкнул сына, Сунир с визгом умчался обратно на игровую лужайку за углом дома. Как и все дети в этот погожий осенний денёк сынок одет в тёмно-зелёный свитер и брюки из плотной тёмно-синей ткани. Ничего подобного в Яме он никогда не носил за ненадобностью. Вполне хватало шорт и футболок.

– Добрый день, уважаемый, – майор Шпин протянул руку.

– Добрый, добрый день, – Сван в ответ пожал руку майора.

Как и все флотские майор Шпин обожает военную форму. На нём всё тот же парадный мундир, светло-серый китель до пояса с металлическим отливом, с застёжкой-молнией до самого горла и тщательно отутюженные брюки со стрелочками. На плечах майорские звёздочки, а вот под эмблемой ВКС на правом рукаве до сих пор ничего нет.

Уже здесь, на Миреме, Сван узнал, что парадная форма офицеров ВКС во многом похожа на повседневную, только отличается более просторными рукавами и ботинками вместо лёгких сапожек или кед. Пусть парадная форма не предназначена для невесомости, но, при необходимости, поверх её вполне можно надеть скафандр.

Буквально через день после прибытия на Мирем Свана вместе с семьёй привезли в Атзин, небольшой городок на южной оконечности Станового хребта на материке Науран, самого большого материка метрополии. Как семейный Сван поселился в небольшом арендованном домике на окраине городка. Из окон на север открывается великолепный вид на предгорья Станового хребта. Вот уж никогда не думал, что у гор может быть такой живописный вид.

В десяти километрах от Атзина находится «Красный уступ», учебный центр Министерства обороны Федерации. На горном полигоне для подготовки космических пехотинцев временно разместили формируемую Первую охранную дивизию, которой в самое ближайшее время предстоит отправиться на Свалку. Целую неделю Сван занят по самое горло. Учёба, учёба и ещё раз учёба. Криминалистика, криминология, психология, методы допроса и вербовки, физическая и специальная подготовки. К многочисленным дисциплинам добавились хлопоты по созданию аппарата СБ Свалки. Однако каждый вечер, невзирая на погоду, Сван возвращается домой к семье. Здесь же, в арендованном домике, он предпочитает проводить выходные.

Майор Шпин продолжает курировать юную СБ Свалки. То, что он приехал в Атзин, ничего удивительного, странно только. Обычно майор предпочитает вести дела в учебном центре. Впрочем, какая разница.

– Не хочу говорить ни о каких делах, – Сван демонстративно подхватил со столика веер, – пока мы как следует не поедим.

– Но-о-о... – протянул было майор Шпин.

– Никаких «но»! – решительно перебил Сван. – Вы у меня в гостях. Здесь я главный.

Сван ещё в Яме очень любил жаренное мясо. На Миреме он быстро постиг искусство жарки шашлыков на открытом огне и за год с небольшим весьма преуспел. Причём настолько, что слава о его шашлыках давно гуляет по всему учебному центру. Не смотря на явное нарушение субординации майор Шпин ни за что не откажется отведать легендарных шашлыков самого Лома. Причём не просто отведать, а нажраться до пуза.

– Хорошо, будь по-вашему, – майор Шпин улыбнулся в ответ. – Только предупреждаю заранее: к вам в гости я приехал не только ради ваших знаменитых шашлыков.

– После. После. Все дела после, – Сван прыснул на румяные кусочки мяса белым вином. – Тем более в понедельник я сам собирался обсудить с вами очень важное дело. Но, коль уж вы сами приехали...

Как обычно Сван нажарил большую кучу шашлыков. Ароматные румяные кусочки мяса на длинных шампурах взгрозились на большом овальном блюде словно штабель дров. Жёны, дети, гость и тем более сам Сван покушали не жалея ни фигуры, ни вина, ни закуски. Однако на овальном блюде по среди стола всё равно осталось целых пять шампуров с румяными кусками остывшего, но всё ещё ароматного мяса.

– Славно перекусили, – Сван бросил на стол пустой шампур с пятнами мясного сока и соуса. – Вот теперь можно и о делах поговорить.

– Дети, – Готара, старшая жена, тут же встала из-за стола, – пошли играть.

– Кто быстрее добежит до качелей, – следом поднялась Ланта, младшая супруга, – тот и будет качаться первым.

Весёлой гурьбой домашние вышли из-под беседки с мангалом и накрытым столом. Суран, самый быстроногий младший сын, первым скрылся за углом дома. Без лишних напоминаний супруги оставили Свана для делового разговора, на котором детям и женщинам не место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.